

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2018

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2002 г.

ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2018

THE FOUNDER:
Moscow Pedagogical
State University

The journal has been published
since 2002

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

The journal is published 4 times a year

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

E-mail: rhema.pema@gmail.com
Information on journal can be
accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Граценков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета; старший научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщик – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В.Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Iлона Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University; professor at the Department of the Worlds' Literatures, Moscow Pedagogical State University, senior fellow at the Russian Institute for Advanced Studies, Moscow Pedagogical State University.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore».

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab., professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ю.С. Нестеренко

Поэтика цветописи в романе Кадзуо Исигуро
«Погребенный великан» 9

А.А. Шунейко, О.В. Чибисова

«Двух голосов переключка»
(Виктор Соснора и Иосиф Бродский) 19

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.Ю. Гвоздецкая

Финитные и нефинитные клаузы с именами собственными
в древнеанглийском поэтическом дискурсе
(на материале поэмы «Видсид») 28

Л.В. Кваскова

Эвфемистическое высказывание как фактор реализации
коммуникативной стратегии в английском диалоге 46

Г.О. Сидоров

Автоматическое определение авторства с использованием
словов как классификационных признаков 62

Д.В. Сичинава

Частица *было*: порядок слов, семантика
и информационная структура предложения 82

МЕТОДИКА

М.А. Ермакова

Проблема составления лингвокультурологического
минимума для иностранных учащихся:
экспериментальные возможности 102

LITERARY CRITICISM

- Yu.S. Nesterenko*
The poetics of colour writing in Kazuo Ishiguro's novel
"The Buried giant" 9
- A.A. Shuneyko, O.V. Chibisova*
"Two voices conversing aloud"
(Victor Sosnora and Joseph Brodsky) 19

LINGUISTICS

- N.Yu. Gvozdetskaya*
Finite and non-finite clauses with proper nouns
in Old English poetic discourse. 28
- L.V. Kvaskova*
Euphemistic utterance as a factor of realizing
a communicative strategy in English dialogue 46
- G.O. Sidorov*
Automatic authorship attribution
using syllables as classification features 62
- D.V. Sitchinava*
The Russian particle *bylo*: word order, semantics
and information structure of a clause 82

TEACHING THEORY

- M.A. Ermakova*
Experimental potential of identification
of communicatively significant units
in Russian fairy tales 102

Ю.С. Нестеренко

Московский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

Поэтика цветописи в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»

Статья посвящена поэтике цветописи в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан». В ходе анализа показано, что роман отличает цветовая скудость и ахроматичность описаний, что характерно и для других произведений писателя. Основными колоронимами, используемыми автором, являются серый, зеленый и – в финальной сцене романа – красный. На ахроматическом фоне особенно ярко выделяются огненные пятна, например, такие, как закат, свеча, пожар, очаг. Кроме того, большую роль в романе играет светотеневая характеристика образов и переходное время суток (рассвет и закат).

Ключевые слова: ахроматичность в литературе, монохромность в литературе, колоронимы, светотеневая характеристика в современной литературе, образ свечи в современной литературе, образ луны в современной литературе, образ тени в современной литературе, образ света в современной литературе, Кадзуо Исигуро, «Погребенный великан».

Yu.S. Nesterenko

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The poetics of colour writing in Kazuo Ishiguro's novel "The Buried giant"

This article discusses the poetics of colour writing in Kazuo Ishiguro's novel "The Buried Giant". The analysis shows that the novel is marked with the scarcity of colours and the colourlessness of descriptions, which is also typical for other works of this author. The basic "colouronyms" used by the author are grey, green

and the one which is featured in the final episode of the novel – red. The fiery spots such as a sunset, a candle, fire or a fireplace are especially highlighted on the achromatic background. Moreover, the “chiaroscuro” techniques and the transitional time of day (dawn and sunset) play a significant role in the novel’s structure.

Key words: colorlessness in literature, monochromaticism in literature, colouronyms, the “cut-off” characteristic in the modern literature, images of a candle, images of a moon in the modern literature, images of a shadow in the modern literature, images of a light in the modern literature, Kazuo Ishiguro, “The Buried Giant”.

В романах британского автора японского происхождения Кадзуо Исигуро, нобелевского лауреата по литературе 2017 г., сложно найти пространственные описания, чаще всего писатель ограничивается несколькими эпитетами, придающими дополнительные штрихи общей картине. Они не отличаются цветовой насыщенностью, что соотносится с ахроматичностью и/или монохромностью как английского литературного пейзажа, отличающегося отсутствием большого количества солнца и ярких красок, так и японского, склонного к лаконичному описанию и в поэзии, и в прозе. Последнее из написанных на сегодняшний день произведений Кадзуо Исигуро – роман «Погребенный великан» («The Buried Giant», 2015), не стал исключением.

В статье ставится задача выявить колористическую наполненность романа, проследить ее корреляцию с идейной и сюжетной структурой романа и показать некоторые соответствия с особенностями национального цветовосприятия.

Сюжет романа строится вокруг путешествия по территории Великобритания пожилой четы бриттов Акселя и Беатрисы, отправившихся навестить своего сына. В процессе повествования выясняется, что их сын уже мертв, как и упоминаемый в романе легендарный король Артур.

В пути героев сопровождает странная *хмарь* (*mist*), стелющаяся по земле не первый год и превращающаяся то в туман (*fog*), то в неопределенную *морось* (*drizzle*). Этот образ хмари – один из центральных в произведении – с первых страниц романа вызывает ахроматические ассоциации, поскольку ее проявления в виде тумана и мороси описываются как серые. Героям кажется, что именно хмарь лишает их воспоминаний и памяти. Люди привыкли к ней, многие и вовсе не замечают, другие же пытаются понять ее происхождение. Постепенно выясняется, что хмарь образуется из дыхания драконихи Кверинг, которую приручили по приказу короля Артура, чтобы саксы и бритты забыли о взаимной вражде и наступил мир.

Общую ахроматическую атмосферу романа поддерживает вся окружающая природа, также практически лишенная ярких колоронимов. Серым цветом обладает и небо, и свет, и утро, и пустошь, и полумрак, и скалы, и камни, и гравий, и галька, – этот эпитет, пожалуй, самый частотный из всех цветообозначений. Так, небо названо серым многократно. Этот цвет максимально близок к отсутствию красок и практически не аккумулирует в себе тон, создавая предельно ахроматические пейзажи романа.

В пару к серому цвету используется колороним *зеленый*. Если в серый в основном окрашено небо и природные явления, то в зеленый – просторы, долины, луга, уступы, изгороди, заросли, кустарник и водоросли. Этот цвет символизирует Англию в сознании самих англичан, которая воспринимается как страна зеленых лугов, зеленых подстриженных газонов и зеленых долин. В эссе «Быть англичанином, а не британцем» Дж. Фаулз пишет о нем как о цвете своей земли, но не страны: «Великая Английская Дилемма – это расщепленность английской мысли между Зеленой Англией и Красно-бело-синей Британией» [Фаулз, 2002, с. 128]. В романе долины, зелень и луга острова характеризуются зеленым цветом, но он приобретает трагический оттенок, т.к. под таким ковром обязательно постелен другой – из костей погибших, а поля некогда были окрашены в красный цвет из-за пролитой на них крови: *A fine green valley. A pleasant copse in the springtime. Dig its soil, and not far beneath the daisies and buttercups come the dead <...> Beneath our soil lie the remains of old slaughter* [Ishiguro, 2015, p. 186]. – *Прекрасная зеленая долина. Молодая роща, на которую так приятно смотреть по весне. Копните землю, и из-под маргариток и лютиков покажутся мертвецы <...> Наша земля пропитана останками после давнего кровопролития* [Исигуро, 2016, с. 224].

Таким образом, на страницах романа рисуется типично английский пейзаж с бескрайними зелеными просторами и серой пасмурной погодой.

В последней главе появляются красноватые оттенки вечера (*the reddish hues of evening* [Ishiguro, 2015, p. 332]), контрастирующие как с серым, так и с зеленым тоном и ярко выделяющиеся на фоне остальных ахроматических пейзажей. Это придает дополнительный драматизм заключительной сцене, в которой Аксель и Беатриса пытаются попасть на некий остров, где, как кажется героине, уже находится их сын. На этом острове «каждый его житель пребывает в вечном одиночестве, не видя и не слыша соседей» [Исигуро, 2016, с. 395] (*for each who dwells there, it's as if he walks the island alone, his neighbours unseen and unheard* [Ishiguro, 2015, p. 334]), за исключением только тех пар, которые «связывают невероятно сильные узы любви» [Исигуро, 2016, с. 396] (*with a bond of love unusually strong* [Ishiguro, 2015, p. 334]).

Отблески заката отражаются также на лице Акселя (*the evening glow upon him* [Ishiguro, 2015, p. 337] – *на лице его пылает закат* [Исигуро, 2016, с. 400]), который боится обмана со стороны лодочника, боится потерять Беатрису и остаться в одиночестве, несмотря на то, что перевозчик утверждает обратное. Сомнения и мятущееся состояние главного героя подчеркивает «пылающий в нем [Акселе] костер, потому что сквозь его глаза прорывается пламя» [Исигуро, 2016, с. 406] (*I see the fire in him well enough now, for it blazes through his eyes* [Ishiguro, 2015, p. 342]). Отраженный свет заката так перемешивается с пламенем, имеющим источник в душе главного героя, что уловить разницу оказывается невозможным. В финальной сцене романа уже не ясно, «его освещает красный закат или это по-прежнему пожар в его взгляде?» [Исигуро, 2016, с. 407] (*the red glow of the sunset on him, or is it still the fire in his gaze?* [Ishiguro, 2015, p. 347]), что усиливает драматическую атмосферу финала романа.

Следует отметить, что красный цвет больше интересует Исигуро в качестве светового, а не цветового пятна. Помимо красного заката роль светового пятна в романе играет образ свечи. Например, той, которую держит в руках племянник короля Артура сэра Гавейн, спасаясь от преследователей в темном тоннеле вместе с пожилыми супругами и мальчиком Эдвином. Свеча отбрасывает причудливые тени, в которых каждому герою видится что-то свое. Беатриса видит останки младенца, хотя остальные – лишь мертвую летучую мышь. Акселю она представляется лежащей на человеческих черепках, с чем сэра Гавейн не согласен. Далее герои добираются до подземного зала, где видят множество костей. Беатриса по-прежнему думает, что это останки младенцев (*Can they all have belonged to babies? Some are surely small enough to fit in your palm* [Ishiguro, 2015, p. 189] – *Неужели они все принадлежат младенцам? Некоторые настолько малы, что поместятся в вашу ладонь* [Исигуро, 2016, р. 228]) и во всем винит страшного зверя – обитателя этой пещеры, а Аксель предполагает, что это древнее место погребения. Теперь Сэр Гавейн перестает отрицать факт многочисленных захоронений, причем начинает оправдываться за убийства, в которых его никто не обвиняет. Эдвина влечет в пещеру зов его пропавшей матери, что на самом деле является наваждением из-за укуса чудовища.

Данный сюжетный эпизод можно рассматривать как аллюзию к образу пещеры из диалога Платона «Государство», в котором «люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет» [Платон, 2007, с. 349]. Находясь в ней, люди ничего не различают, «кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры» [Там же]. Свеча

не только помогает героям отыскать дорогу, но и рождает противоречия, создает многочисленные иллюзии. Образы тоннеля и мавзолея, лишённые прямого источника света, ассоциируются с сознанием, погруженным во тьму, с отсутствием памяти, а появляющиеся вспышки света расширяют границы познания, но не способны показать истинную картину мира.

Следующий образ в ряду световой линии романа Исигуро – это огонь пожара. Саксонский воин Вистан во время сражения с враждебными ему воинами лорда Бреннуса разжигает большой пожар, чем приводит их в ужас: *Suddenly the tower was ablaze! And who'd think an old damp tower could offer so much kindling? Yet blaze it did and Lord Brennus's men together with your brother caught within* [Ishiguro, 2015, p. 216] – *Башия вдруг вспыхнула! Никто и подумать не мог, что старая отсыревшая башия может так разгореться. Но она разгорелась, и люди лорда Бреннуса вместе с твоим братом оказались в ловушке* [Исигуро, 2016, с. 259]. Огонь показывает здесь свою смертоносную силу: *the few who came out did so just to die twisting horribly on the ground* [Ishiguro, 2015, p. 216] – *те немногие, кто выбрался наружу, все равно умерли, корчась в конвульсиях на земле* [Исигуро, 2016, с. 259].

Но образ огня в романе может не только разрушать и сбивать с толку, но и очищать, и созидать, и приносить героям мир и спокойствие. Очаг в доме Айвора, где остановились главные герои после долгого путешествия, наконец-то несет успокоение и спасение от темноты ночи: *When they entered under the low arch, the air was thick with woodsmoke, which, even as it made Axl's chest tighten, felt warm and welcoming. The fire was smouldering in the centre of the room, surrounded by woven rugs, animal skins and furniture crafted from oak and ash* [Ishiguro, 2015, p. 64] – *Когда они вошли под низкую арку, внутри оказалось полно густого дыма, который, хотя у Акселя и сперло от него в груди, пахнул теплом и гостеприимством. В середине комнаты тлел очаг, окруженный ткаными коврами, звериными шкурами и мебелью из дуба и ясеня* [Исигуро, 2016, с. 77–78].

Для романа Исигуро важными оказываются не только зримо присутствующие источники света, но также факт их отсутствия. Например, свеча, которой лишили Акселя и Беатрису вследствие их преклонного возраста и которую они безуспешно пытаются заполнить, символизирует собой свет, отнятый у героев. Дело в том, что в романе бритты, в отличие от саксов, живут под землей, их жилища названы норами, в них всегда царит полумрак, однако они совсем не похожи на уютные подземные жилища-норы хоббитов Толкина, напоминающих об Аркадии. Без свечи герои вынуждены существовать в крошечной темноте,

где обитают только напластования тени и куда лучи света могут лишь вливаться: *the early dawn light was leaking into the room through the small chinks of their outer wall* [Ishiguro, 2015, p. 6] – *сквозь щели во внешней стене в комнату потек свет ранней зари* [Исигуро, 2016, с. 11]. Так, свет, отнятый у Акселя и Беатрисы, материализуется в образе отсутствующей свечи, являющейся «значимой нулевой деталью» в повествовании.

Еще одним знаком отсутствия света является образ огнедышащей драконихи Кверинг. Когда она была молода и могуча, то могла извергать смертоносное пламя, рассылая хмарь забвения, но сейчас она состарилась и неспособна извергать огонь, вследствие чего хмарь не имеет прежней силы над людьми и прошлые воспоминания начинают иногда смутно всплывать в памяти героев.

Помимо огненных пятен, в романе большую роль играет светотеневая характеристика окружающего пространства. Освещать и нести игру света и тени могут не только искусственные источники света (свеча, огонь, очаг), но и естественные – солнце и луна. На страницах романа можно найти множество примеров: *there were shafts of sunlight crossing the room* [Ishiguro, 2015, p. 75] – *комната была пронизана солнечными лучами* [Исигуро, 2016, p. 91]; *and the sun entered powerfully through the gap* [Ishiguro, 2015, p. 76] – *и в щель властно ворвалось солнце* [Исигуро, 2016, с. 92]; *the sun breaking in through the porthole like windows would have revealed the air itself to be filled with drifting specks of hay* [Ishiguro, 2015, p. 80] – *солнце, пробивавшееся сквозь окна-бойницы, выдавало, что сам воздух тоже полон кружащихся частичек сена* [Исигуро, 2016, с. 97]; *through the doorway striding off across the sunny courtyard* [Ishiguro, 2015, p. 82] – *удаляется по залитому солнцем подворью* [Исигуро, 2016, с. 100]; *the sunlight went into shadow* [Ishiguro, 2015, p. 87] – *солнечный свет сменялся тенью* [Исигуро, 2016, с. 106]; *this had brought a large rectangle of sun into the barn* [Ishiguro, 2015, p. 96] – *на полу образовался большой светлый прямоугольник* [Исигуро, 2016, с. 116].

Но, пожалуй, еще большую игру света и тени в романе рождает образ луны: *...falling across this threshold was an intense pool of moonlight* [Ishiguro, 2015, p. 185] – *...на пороге которого разлилось яркое озерцо лунного света* [Исигуро, 2016, с. 223]; *the light illuminated much of the moss and fungus on the pillars, as well as a section of the next chamber* [Ishiguro, 2015, p. 185] – *лунный свет щедро поливал мох и наросты плесени на колоннах, а также часть соседнего зала* [Исигуро, 2016, с. 223]; *standing silently under the moonlight* [Ishiguro, 2015, p. 140] – *и они молча стояли в лунном свете* [Исигуро, 2016, с. 168]; *the staircase, running diagonally down the side of the wall, was mostly in shadow except*

for one patch, quite near the ground, lit up brightly by the nearly full moon [Ishiguro, 2015, p. 174] – лестница, спускавшаяся по диагонали вдоль стены, была почти вся в тени, кроме одного участка, почти у самой земли, залитого светом полной луны [Исигуро, 2016, с. 210]; *moonlight was pouring in, revealing piles of wooden boxes and broken furniture* [Ishiguro, 2015, p. 175] – внутрь проникал лунный свет, открывая взгляду штабеля деревянных коробов и поломанной мебели [Исигуро, 2016, p. 210–211]; *his eyes, caught in the moonlight, seemed to Axl at that moment to have something strange about them* [Ishiguro, 2015, p. 176] – и его глаза, отражавшие свет луны, вдруг показались Акселю какими-то странными [Исигуро, 2016, с. 212].

Луна в романном мире обладает силой, которой лишено солнце. На острове, куда так стремятся попасть Аксель с Беатрисой, но куда вместе попадают только по-настоящему любящие друг друга люди, а остальные вынуждены бродить в вечном одиночестве, только в лунную ночь «обитатели острова могут почувствовать, как рядом с ними витают на ветру их соседи» [Там же, с. 396] (*on a summer's night when the moon's full, an islander may get a sense of others moving beside him in the wind* [Ishiguro, 2015, p. 334]) или, как говорит Беатриса: *During a storm, or on a calm moonlit night, Axl and I may glimpse our son close by. Even speak with him a word or two* [Там же, p. 335] – *Может быть, во время шторма или в тихую лунную ночь нам с Акселем доведется увидеть сына, случись ему быть поблизости. Или даже перемолвиться с ним парой слов* [Исигуро, 2016, с. 397].

Помимо образов луны и солнца описания могут быть составлены из одной тени, например: *their matching shadows forming an orderly avenue through the village* [Ishiguro, 2015, p. 76] – *похожие друг на друга тени образовывали аккуратную аллею* [Исигуро, 2016, с. 93]; *he flexed his fingers experimentally over the view in the afternoon haze* [Ishiguro, 2015, p. 91] – *посгибал пальцы над пейзажем, затянутым послеполуденной дымкой* [Исигуро, 2016, с. 110]; *swathed as it was now in moonshadow* [Ishiguro, 2015, p. 190] – *окутанный лунной тенью* [Исигуро, 2016, с. 229].

Примечательно, что в описаниях романа преобладает образ тени, через которую пытается пробиться свет. Между тем, образ света, на который ложатся тени, нерелевантен. Кроме того, светотеневая характеристика не статична, она проявляется в динамике. Такую особенность мировосприятия японцев подробно рассматривает Танидзакэ Дзюньитиро в эссе «Похвала тени»: «Во всякого рода художественных изделиях мы отдаем свои симпатии тем цветам, которые представляют как бы напластование тени, в то время как европейцы любят цвета,

напоминающие нагромождение солнечных лучей» [Танидзаки, 1986, с. 510]. Танидзаки подчеркивает, что светотень позволяет лучше выявить и увидеть красоту предметов.

Светотеневая характеристика проявляется также в описаниях переходного времени суток – рассвета или заката. Действие романа «Погребенный великан» начинается с рассветом. Аксель в слабом свете, пробивающемся внутрь жилища-норы, разглядывает окружающее (...now an early ray of sun was penetrating from one corner, casting a beam over where Beatrice was sleeping. Axel could see, caught in this ray, what looked like an insect hovering in the air just above his wife's head [Ishiguro, 2015, p. 13] – ...ранний солнечный луч пробился сквозь уголок, бросив на спящую Беатрису полосу света. Луч зацепил нечто вроде насекомого, парившего в воздухе прямо над головой пожилой женщины [Исигуро, 2016, с. 18–19]) и принимает одно за другое, поскольку все лишено четкости. Он видит лишь «очертания собственной руки» [Там же, с. 11] (*his hand dimly before him* [Ishiguro, 2015, p. 6]) и «силуэт Беатрисы» [Исигуро, с. 2016, с. 11] (*Beatrice's form* [Ishiguro, 2015, p. 6]).

Финал произведения представляет события, разворачивающиеся на фоне заката: *the reddish hues of evening all across the shore, a foggy sun falling towards the sea* [Там же, p. 332] – *берег был расцвечен багровыми тонами заката, подернутое дымкой солнце опускалось в море* [Исигуро, 2016, с. 394]. К концу повествования пожилая чета добиралась до переправы на остров. Здесь они встречают лодочника-перевозчика, который обладает правом определить, испытывают ли супруги друг к другу настоящие чувства и на основании этого решить их судьбу – достойны ли они найти успокоение на острове. Однако даже по завершении произведения вопрос остается открытым: по-прежнему не ясно, позволено ли им быть на острове вместе. Так заканчивается линия романа, связанная с частной жизнью Акселя и Беатрисы. Картина заката дня свидетельствует и о закате жизни героев, освещая их последний путь на остров.

Интересно, что акцент на переходных временах суток находит полное отражение и в остальном творчестве Исигуро. Так, финальная сцена романа «Безутешные» («The Unconsoled») заканчивается рассветом: *...the dawn had finally come. Soft patches of early sunlight were drifting over the tottering piles of paper, the filing cabinets, the directories and folders strewn about on the desks* [Ishiguro, 1995, p. 510] (...рассвет наконец занялся. Первые солнечные лучи неяркими пятнами скользили по шатким грудам бумаг, картотечным ящикам, справочникам и папкам, которые валялись на столах [Исигуро, 2009а, с. 609]), «Художник зыбкого мира» («An Artist of the Floating World») – утром: *morning, with*

the sun shining pleasantly [Ishiguro, 1988, p. 205] (*утром приятно пригревало солнце* [Исигуро, 2007, с. 297]). Последняя сцена романа «Остаток дня» (“The Remains of the Day”) происходит при закате, что соотносится с композицией романа «Погребенный великан». Картина вечера перекликается с мыслями дворецкого Стивенса, главного героя «Остатка дня», об оставшихся годах его жизни, в результате чего он приходит к выводу, что «вечер – лучшее время суток» [Исигуро, 2009b, с. 332] (*the evening's the best part of the day* [Ishiguro, 1999, p. 256]) и стоит «перестать все время оглядываться на прошлое, научиться смотреть в будущее с надеждой и постараться как можно лучше использовать дарованный мне остаток дня» [Исигуро, 2009b, с. 332] (*I should adopt a more positive outlook and try to make the best of what remains of my day* [Ishiguro, 1995, p. 256]).

Итак, роман Кадзуо Исигуро «Погребенный великан» отличается ахроматичностью и/или монохромностью, что характерно и для его предшествующих произведений. Во всех романах писателя присутствуют «скупые» краски, независимо от места действия, а в описаниях красот природы принципиально отсутствуют яркость и насыщенность цветов. Общую ахроматичность романа «Погребенный великан» «разбавляют» яркие источники света, огненные пятна (свеча, закат, огонь), которые оттеняют темноту ночи, дома-норы, тоннеля, мавзолея, играя как положительную, так и отрицательную роль в романе, как пугая героев, так и принося успокоение. Серый цвет призван подчеркнуть общую атмосферу произведения, зеленый – принадлежит самому острову, а красный – ярко оттеняет заключительную сцену на фоне цветовой бедности остального романного мира.

Библиографический список / References

Исигуро, 2007 – Исигуро К. Художник зыбкого мира. М., СПб., 2007. [Ishiguro K. *Hudozhnik zybkiego mira* [An Artist of the Floating World]. Moscow, St. Peterburg, 2007.]

Исигуро, 2009a – Исигуро К. Безутешные. М., СПб., 2009. [Ishiguro K. *Bezuteshnye* [The Unconsoled]. Moscow, St. Peterburg, 2009.]

Исигуро, 2009b – Исигуро К. Остаток дня. М., СПб., 2009. [Ishiguro K. *Ostatok dnja* [The Remains of the Day]. Moscow, St. Peterburg, 2009.]

Исигуро, 2016 – Исигуро К. Погребенный великан. М., 2016. [Ishiguro K. *Pogrebennyj velikan* [The Buried Giant]. Moscow, 2016.]

Платон, 2007 – Платон. Соч.: в 4-х т. СПб., 2007. Т. 3. Ч. 1. [Plato. *Sochinenija* [Selected works]: in 4 vols. St. Peterburg, 2007. Vol. 3. Part 1.]

Танидаки, 1986 – Танидаки Д. Избр. произв.: в 2-х т. М., 1986. Т. 1. [Tanizaki J. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]: in 2 vols. Moscow, 1986. Vol. 1.]

Фаулз, 2002 – Фаулз Дж. Кротовые норы. М., 2002. [Fowles J. *Krotovye nory* [Wormholes]. Moscow, 2002.]

Ishiguro, 1988 – Ishiguro K. *An Artist of the Floating World*. London; Boston, 1988.

Ishiguro, 1995 – Ishiguro K. *The Unconsoled*. New York, 1995.

Ishiguro, 1999 – Ishiguro K. *The Remains of the Day*. London, 1999.

Ishiguro, 2015 – Ishiguro K. *The Buried Giant*. London, 2015.

Статья поступила в редакцию 17.08.2017

The article was received on 17.08.2017

Нестеренко Юлия Сергеевна – аспирант кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет; старший лаборант кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Nesterenko Yuliya S. – postgraduate student at the Department of World Literature of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; senior assistant at the Department of World Literature of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: yulyanesterenko@yandex.ru

А.А. Шунейко, О.В. Чибисова

Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
681013 г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация

«Двух голосов перекличка» (Виктор Соснора и Иосиф Бродский)

В статье рассматривается специфика решения вопроса о соотношении правды искусства и правды жизни в творчестве Виктора Сосноры и Иосифа Бродского. Определяется совокупность значимых интертекстуальных связей между «Феерией» и «Посвящается Ялте». Показано, что текст «Посвящается Ялте» по своей разноуровневой художественной организации ориентирован на «Феерию». Сделан вывод о различии эстетических позиций двух поэтов и выявлены эти различия.

Ключевые слова: Виктор Соснора, Иосиф Бродский, «Феерия», «Посвящается Ялте», интертекстуальность.

A.A. Shuneyko, O.V. Chibisova

Komsomolsk-on-Amur State University,
Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russian Federation

"Two voices conversing aloud" (Victor Sosnora and Joseph Brodsky)

The article considers the specifics of addressing the issue of correlating the truth of art and the truth of life in the works of Viktor Sosnora and Joseph Brodsky. It defines a set of significant intertextual links between "Extravaganza" and "Homage to Yalta". It shows that the text "Homage to Yalta" is focused on "Extravaganza" in its multi-level art organization. A conclusion is made about the difference in the aesthetic positions of the two poets with these distinctions revealed.

Key words: Victor Sosnora, Joseph Brodsky, "Extravaganza", "Homage to Yalta", intertextuality.

The interaction of the truth of life and the truth of art is a question that, in one way or another, invariably excites every artist. The answer to it is directly related to understanding what kind of reality the creator builds, what is its place in the variety of material and mental reality forms. In its specific interpretation, this question breaks down into a mass of particular manifestations: what is truth, what are its types and where are its boundaries, whether it has verifying characteristics, etc. These manifestations are linked together in specific aesthetic declarations and become objects of search in independent art texts. In both cases, their literal perusal is impeded by the fact that they are translated through the use of an individual figurative apparatus. The study considers two different ways of solving this problem, proposed by two poets – Victor Sosnora in “Extravaganza” and Joseph Brodsky in “Homage to Yalta”.

Russian culture knows a lot of poets opposing each other in aesthetic attitudes. But the couple Victor Sosnora – Joseph Brodsky, even on this extensive list, occupies a special place. It would seem, albeit with reservations, but nevertheless, the unity of external characteristics (generation, context, place, resistance to power and official literature) had to encourage to some common aesthetic positions. But it turned out the other way around. Sosnora was guided by the poetics of complexity (“the school of L. Brik”), Brodsky – by the poetics of simplicity (“the school of A. Akhmatova”).

The poets were familiar with each other as is evident from the correspondence between Sosnora and Brik: “I met Brodsky, he was devastated” (the letter from 2.12.70) [Ananko, 2012a, p. 53]. They somehow kept under continuing consideration the vicissitudes of each other’s destinies: “After all, Brodsky was made a referent [‘Poet in Residence’ at the University of Michigan]. I do not think that I know or mean less” (the letter from 19.08.74) [Ananko, 2012b, p. 80]. “What about Gleb Gorbovsky? And Brodsky? Brodsky has four grades, in my opinion, Gleb, has at least seven. But Brodsky’s language is strong, despite the Nobel Prize, powerful. What is it? Reading? His poems make it clear that he read more foreign poets more than Russian ones. It is always clear from the verses” [Sosnora, 2006, p. 60]. “One day, when B. became world famous, you were asked about him. ‘How is Brodsky, his room was covered with postcards’ [Ilyanen, 2006, p. 66]. They knew and evaluated each other’s work.

Sosnora’s evaluations are contradictory: “Do you know that Brodsky died yesterday? In a dream. The easiest death. In his fiftieth year [in the fifty-sixth]. That’s all. The last real Russian poet. Absolutely pure”; “Only two people have done something new in the Russian literature of our time. Brodsky. The second is me. But I’m an invisible being. They do not know me” [Ovsyannikov, 2011a]; “After them [Futurists] there was nobody of this

rank. Voznesenski, Aygi, Brodsky are remarkable in their kind. But the rank is not the same” [Ovsyannikov, 2011b]. "It was on that evening [18.10.89] that you uttered a sacramental phrase: “There are three Russian-speaking poets in the world today: I, Brodsky and Aigi.” [Ilyanen, 2006, p. 68]. In the rendition of L. Losev the indirect assessments of Sosnora made by Brodsky are that Sosnora “did not differ too much from him in the eyes of the authorities” and more bravely experimented with the form [Losev, 2006, p. 44]. That is, a certain degree of unity was realized by both of them.

Reading generations assessed them in different ways. In the perception of their contemporaries they often stood side by side: “In our generation, mass Broadskyism began a little later, literally a year or two later ... And then Sosnora again became the second in the pair, as when he was ‘Leningrad Voznesenski’. Appreciating his skill, the sharpness and height of the notes he took, we still could not put his world, which was somewhat agitated and controlled by the predictable (and from the mid-1970s – ever more predictable) laws, along with the broad and harmonious cosmos of Brodsky. But ‘Brodsky and Sosnora’ existed in our language for a short time” [Shubinskij, 2006, p. 75]. Sosnora was steadily given a place of the “second”. But there are cases when in a particular situation the second is the first.

The parallel temporal existence of the poets, their significance in the literary environment and knowledge of each other’s creativity could not help causing mutual controversy, especially as Brodsky was inclined to poetic disputes: remember his invectives of Evtushenko. The sharpest manifestation of the polemics between Brodsky and Sosnora is the poems “Extravaganza” and “Homage to Yalta”.

“Extravaganza” was written no later than 1963, “Homage to Yalta” – in 1969. So, it is a matter of a unilateral response, a dispute with the predecessor, a retaliatory reply, the assertion of one’s position through the rejection of somebody else’s. The texts are literally saturated with parallels, which manifest themselves at the various levels of the artistic whole and create a wide choice of recognizable similarities. Here is the list of the main parallels.

Genre ambiguity. Both texts are large rhymes or small poems structurally organized on the principle of a polylogue, in which the boundaries between personage’s speech, the personages themselves and the author’s voice are extremely blurred. Who exactly speaks is simply impossible to tell in many contexts. A small volume of texts clearly indicates that all resemblances or parallels are not accidental. Brodsky repeats Sosnora in many significant details, including explicit references to him in his text, so that the opposition of aesthetic positions can be seen more clearly on this supposedly general background. These are references-deceptions, references-periphrastic nominations of the opponent.

Primarily, similarities should be commented upon at length with the note that the links between the texts cannot be interpreted otherwise than direct references of Brodsky's words to Sosnora's text.

The unity of space in two works is determined by the fact that both places of action are localized through the accentuation of two opposing themes. First, the theme of the south, southern space in general, the sea coast and signs of the sea element. The action of "Extravaganza" is formally unfolding in Paris. But the text is included in the "Book of the South", it mentions the south: "Her face is like the stars of the south!" and the attributes of the coast – beacons, ocean, water: "On the Seine, the leaves flashed, / like little lighthouses"; "Hasty pedestrians' faces are / like little lighthouses"; "Turning of the ocean – / a river in a contour of stone"; "And the air is full of stars like water". "Homage to Yalta" mentions "the whole southern shore", and the action takes place in the south: "in front of you / all the time – there is a harbor. And the lights of the port." Sosnora distinguishes "pale green strokes", Brodsky depicts "Everywhere there are lights and fireflies on the roadstead" and "it looks like an emerald from above". Second, in both cases the urban space is detailed: Paris and Yalta. For example, Sosnora writes "the drivers' faces behind the windows", Brodsky echoes "cars go rushing".

The very duality of space, in which water and earth elements are combined, can also be perceived as a generality. In both texts, the space is borderline (as well as situations), at that the boundary itself symbolizes the union of the solid earth, striving to preserve any traces, and the soft mud striving to destroy these traces. And this is what happens in the texts: the consequences of certain almost identical actions (events) are washed away or smoothed out.

The unity of personage's characteristics. In both works there are two clearly expressed protagonists. In "Extravaganza" it is "a man with the face of Saturn" (an old man, a seeker), who "has lost his face". In "Homage to Yalta" it is "a congenial person", "he", a contused person, and an amateur chess player. The parallelism (link or even identity) between these two main characters is created in various ways.

Both are deprived of names, which emphasizes their extremely typed character and indicates that the text is not actually about them, but about a specific action in which they are invariant substitutions. This is confirmed by the fact that other characters have no names either. They are equally vague in terms of their fuzzy interaction with the author and the uncertainty of the author's assessment. They are both deprived of the past, it is given only by hints: "The old man spent all his life craving for collisions, / but did not shoot up to presidency" (Sosnora); "What do I know about his family? / Why, absolutely nothing" (Brodsky). Their uniqueness is emphasized: "In pajamas

made of paper prose” (Sosnora); “But he was not like all others” (Brodsky). This indication works only in the context of other indications. Both characters are from the surreal world: one loses his face, the other is dead. Both characters are nominally linked to the army: Sosnora’s hero is called an admiral – “the admiral of the pariahs’ world”, and Brodsky’s character-interlocutor-partner is shell shocked. Both characters are simultaneously contrasted and combined according to one characteristic: “All signs of alcoholism / were quoted on the face” (Sosnora); “At first we decided he was drunk. <...> But he did not drink. I know this for sure; / apparently, he had been crawling for a long time” (Brodsky). In spite of many particular differences, these seven dominant features allow admitting that Brodsky’s character is clearly modeled after the character of Sosnora.

The number of the main heroines in the texts is also two; they are not so detailed, but very similar as well. The main theme of similarity is the close connection of both with the theater. The description of Sosnora’s heroine, who found her face, consists of repeated references to the realities of the theater and cinema: she is called an extra “Having fussed so long / in a search, / eventually today / the extra FOUND HER FACE, / and it was time to master it”; “like the divine Brigitte”; she is called a member of the comedy, Juliet; her manipulations with the face is playing. Brodsky’s main heroine serves in the theater and she is clearly not the leading lady: “I, / as you know, work in the theater”. The primary role of Sosnora’s extra is that she finds the face of the admiral. And the main function of Brodsky’s utility actress is that she finds the dead man. They are both passive thieves of something belonging to others, as they get something extraordinary without any effort on their part.

The coordination between the admiral with the face of Saturn and the extra and the contused chess player and the actress on the sidelines also has an almost identical character. The couples both loved and did not love each other. Sosnora says about the love of his heroes: “Love was not from any ... <...> Everything was mixed up by somebody’s mind. / Who is the husband? / Which is the wife? / She never saw / him, / and he did not want it! / Possibly they enacted / a farce?” The heroine of Brodsky says about her feelings: “No! I’m not talking about love!” Even these contexts indicate that in both cases there was no emotional tension between the characters; it was replaced by a semi-mystical, inexplicable relationship, the basis of which is there and there – beyond the narrative.

The color gamma of the two texts is the same. The green color of lights, emeralds and fireflies has been mentioned above. In general, this gamma is saturated with dull, seemingly faded colors. Here are some illustrative examples: “What poorness of colors!”; “Now the Seine has the color of flour”; “No faces, / no purpose / and no colors!” (Sosnora); “The world

lived. But on the surface of things / both moving and still / there suddenly appeared something like a film, / or rather a dust, which made them / senselessly similar. / This way, you know, in hospitals they paint white / both ceilings, walls, and beds. / Well, now imagine my room, / covered with snow. Isn't it weird? / And at the same time, don't you think / that the furniture would only benefit from / such a metamorphosis? No? It's a pity" (Brodsky). The faded color scheme is associated with the theme of the south, where the sun burns colors, and with the uncertainty of what is happening, and with its monotonous monotony, the lack of event dynamics, the blurring of a single action. The faded color gamma is associated both with the theme of the south, where the sun burns colors, and with the uncertainty of what is happening, and with its monotonous uniformity, the lack of event-trigger dynamics, the blurring of a single action.

The absence of the main characters' names focuses attention on the action, which also turns out to be, if not identical, typologically unified. In both cases, it is a loss, which is not explained in the narrative. In "Extravaganza" the main character loses his face ("I LOST MY FACE"), in "Homage to Yalta" – his life. At the same time, the loss of face and the loss of life present themselves as contextual synonyms, nominations of an essentially single process substituting each other.

On the one hand, Sosnora makes his character lose his face, and Brodsky emphasizes the absence of his character's face: "but, you know, when the face is not visible", "But then I recognized him by the cloak", "he was reclining already in his former place, / his face covered with a newspaper". On the other hand, Sosnora's character was dying out: "he was dying out. / And that was not ordinary / he was immorally dying out", but Brodsky's character was already dead. Thus death in "Homage to Yalta" becomes synonymous with the loss of face in "Extravaganza" – and vice versa.

Such a number of detailed content parallels cannot be interpreted as a tribute to the literary tradition, as a desire to emphasize continuity, as an inspiration to develop an everlasting theme in a new way, as parody. This is Brodsky's detailed database for polemics: recognizability is intended to emphasize that he polemics not with anyone in general, but namely with Sosnora, openly and harshly.

Sosnora does not include any direct aesthetic declarations in the text. Brodsky, using the same event model, saturates the text with unequivocal formulations of his views on the coordination between the three categories: fact (the truth of the world), interpretation (the reflection of fact by man), art (the product of embodied comprehension). He gives them definitions, establishes the interaction between them from two points of view: from the standpoint of an average man (general ideas) and from the standpoint of himself – the creator.

From the point of view of an average man, everything is stereotypically simple: first arises a fact, then comes its comprehension, in the end appears its incarnation in art. It is this view (with certain reservations) that Sosnora accepts and preaches: “For example, an artist draws a chair. Does he copy it, paint everything as it is, God forbid anything to be missed? Certainly not. It would be another chair. That’s all. Why do they have to be exactly the same? No, the artist looks, looks and finds in this chair something characteristic, distinguishing it from all the rest. Once – with a pencil, once more! Two or three strokes, absolutely exactly giving the very essence of this feature – that’s all! A picture!” [Ovsyannikov, 2011a] – first a chair (fact), then the artist looks for something characteristic (reflection, comprehension), at last a picture (art). This is a traditional model.

From the point of view of Brodsky the creator, everything happens antithetically: first, art is born, then its comprehension, and only after all, as a consequence of the first and the second, a fact arises, that is, something appears in reality: “truth an element of Art, / which, in the last analysis, lies at / the heart of all events (though, to be sure, / a writer's art is not the Art of life, / it only forms a likeness)”. It is important for Brodsky: “Herein lies an / example of how truth depends on art, / and not of art’s dependence on the truth.”

The comprehension component in both cases occupies the same medial position into which Brodsky places himself. He tells the reader, I’m engaged in interpreting, I’m in the middle on the threshold of art and life at the same time: “And life / we have been trained to treat as if it were / the object of our logical deductions. / And sometimes all it seems we have to do/ is interweave them – motives, attitudes, / environment, and problems – and events / will then take place.”

Sosnora’s artistic deformations are based on the fact that he goes from life to art, turning the first into the second: “It seems to me that in the beginning there’s a fact, and I (the writer), by virtue of my own active intellect, fantasize around this fact. I recognize this peculiarity in my life as well [Goldstein, 1988]. Brodsky acts the opposite way – he goes from art to life, turning the first into the second [Schnittke, 2009].

In the context of this polemic, one can assume that the words of Brodsky’s character “Of course, you are right ... But this is ... this is ... / It’s – an apologia for the absurd! An apotheosis of the meaninglessness! Delirium!” refer to Sosnora’s poetry, which Brodsky overcomes in his work. Starting from Sosnora, he embodies his second model in a very interesting way: firstly appears the art (Sosnora’s text), then comes its interpretation, and lastly arises the fact (his own text). Metaphorically at the level of intertextual links in a broad literary context, it turns out that Brodsky’s murdered character plays chess with the character of Sosnora. Brodsky himself replaces Sosnora’s

narrative style with his own in this game. This is his artistic argument, supported by declarations.

For Sosnora and Brodsky these works are the fields of defending their views on poetry, art, creativity, life, the interaction of people and fantasy with the outside world. It is interesting that, judging from Sosnora's remarks of 1992, he remained on the position opposite to Brodsky, but allowed a minimal approximation to it: "My method is, in fact, not the one of a writer, but of a painter"; "It is necessary to write only the action Ovsyannikov 2011a" [Ovsyannikov, 2011a].

Everyone has agreed to differ and thereby serves the variety of forms of the domestic literature.

It is important that the obvious contrast between Sosnora and Brodsky's views on the nature of the correlation between the truth of life and the truth of art is removed if we move to a different level of abstraction – an analysis of the nature of poetic creativity and its coordination with language. In this regard, Brodsky expressed a radical thought that balances the diametrically opposed positions: "There are, as we know, three modes of cognition: analytical, intuitive, and the mode that was known to the biblical prophets: revelation. What distinguishes poetry from other forms of literature is that it uses all three of them at once (gravitating primarily toward the second and the third). For all three of them are given in the language; and there are times when, by means of a single word, a single rhyme, the writer of a poem manages to find himself where no one has ever been before him, further, perhaps, than he himself would have wished to go. The one who writes a poem writes it above all because verse writing is an extraordinary accelerator of consciousness, of thinking, of comprehending the universe. Having experienced this acceleration once, one is no longer capable of abandoning the chance to repeat this experience; one falls into dependency on this process, the way others fall into dependency on drugs or alcohol. One who finds himself in this sort of dependency on language is, I suppose, what they call a poet" [Brodsky, 1987].

Библиографический список / References

Ananko, 2012a – Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик. Публикация Ярославы Ананко // Звезда. 2012. № 2. С. 26–59. [Correspondence between Victor Sosnori and Lilya Brik. The publication of Yaroslava Ananko. *Zvezda*. 2012. № 2. Pp. 26–59.]

Ananko, 2012b – Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик. Публикация Ярославы Ананко // Звезда. 2012. № 3. С. 60–96. [Correspondence between Victor Sosnori and Lilya Brik. The publication of Yaroslava Ananko]. *Zvezda*. 2012. № 3. Pp. 60–99.]

Пуанен, 2006 – Ильянен А. Я, Бродский и Айги. Письмо учителю от Александра Ильянена // Критическая масса. 2006. № 3. С. 64–73. [Ilyanen A. I, Brodsky and Aigi. The letter to the teacher from Alexander Ilianen. *Kriticheskaya massa*. 2006. № 3. Pp. 64–73.]

Losev, 2006 – Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М., 2006. [Losev L. Iosif Brodskij. Opyt literaturnoj biografii [Joseph Brodsky: a Literary Life]. Moscow, 2006.]

Ovsyannikov, 2011a – Овсянников Вяч. Прогулки с Соснорой // Северная Аврора. 2011. № 13. [Ovsyannikov Vyach. Walking with Sosnora. *Severnaya Avror*. 2011. № 13. URL: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=3575>]

Ovsyannikov, 2011b – Овсянников Вяч. Прогулки с Соснорой // Северная Аврора. 2011. № 15. [Ovsyannikov Vyach. Walking with Sosnora. *Severnaya Avror*. 2011. № 15. URL: http://www.avrora-lukin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=45&Itemid=4]

Sosnora, 2006 – Соснора В. Я все время воюю. Виктор Соснора о языке, русских поэтах и снайперской стрельбе // Критическая масса. 2006. № 3. С. 58–64. [Sosnora V. I always fight. Victor Sosnora on language, Russian poets and sniper shooting. *Kriticheskaya massa*. 2006. № 3. Pp. 58–64.]

Shubinskij, 2006 – Шубинский В. От Обводного до Грибоедовского. Валерий Шубинский о ленинградских ЛИТО 1980-х. [Shubinskij V. From Obvodny to Gribojedovsky. Valery Shubinsky about the Leningrad LITOs of the 1980s. *Kriticheskaya massa*. 2006. № 3. Pp. 73–76.]

Brodsky, 1987 – Brodsky J. Nobel Lecture December 8, 1987. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/1987/brodsky-lecture.html

Goldstein, 1988 – Goldstein D. An Interview with Viktor Sosnora. *The New York Review of Books*. Vol. 35. № 15. October 13.

Schnittke, 2009 – Schnittke E. Logic Questioned: The Communicative Act of Interrogation in a Distorted Poetic Space of Brodsky's "Homage to Yalta". *Russian Journal of Communication*. Vol. II. № 1/2 (Winter/Spring). Pp. 105–130.

Статья поступила в редакцию 1.08.2017

The article was received on 1.08.2017

Шунейко Александр Альфредович — доктор филологических наук; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет

Shuneyko Alexander A. – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University

E-mail: a-shuneyko@yandex.ru

Чибисова Ольга Владимировна – кандидат культурологии; доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет

Chibisova Olga V. – PhD in Culturology; associate professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University

E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Н.Ю. Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

Финитные и нефинитные клаузы с именами собственными в древнеанглийском поэтическом дискурсе (на материале поэмы «Видсид»)¹

В статье анализируются механизмы порождения древнеанглийского поэтического дискурса с точки зрения финитных и нефинитных клауз, формирующих рассказ в поэме «Видсид». Двучленные «говорящие» имена собственные рассматриваются как структурно-семантические модели, которые порождают нефинитные и финитные клаузы и обуславливают их последовательность в тексте. Нефинитные клаузы оцениваются как первичная ступень трансформации имени в рассказ, финитные клаузы – как вторичная ступень. Обсуждается значение полных и неполных (связочных) глаголов в процессе «развертывания» имени в рассказ, роль эпических «формул» (основанных на героико-эпических темах и мотивах), а также зависимость финитных клауз от семантического потенциала порождающих их имен.

Ключевые слова: финитные и нефинитные клаузы, имена собственные, аллитерационный стих, древнеанглийский поэтический дискурс, эпическая наррация, «Видсид».

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы».

N.Yu. Gvozdetskaya

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation

Finite and non-finite clauses with proper nouns in Old English poetic discourse²

The paper describes mechanisms generating Old English poetic discourse from the point of view of finite and non-finite clauses building the narration in the poem "Widsith" and constituting the poetic line. The two-member "telling" proper names are regarded as structural-semantic models generating finite/non-finite clauses as well as determining their succession in the text. Non-finite clauses are considered to be the primary stage of transformation of the noun into the narration while the finite clauses are viewed as its secondary stage. The significance of semantically "complete" and "non-complete" (link) verbs for the process of 'unfolding' the nouns into the narration as well as the role of epic "formulas" (based on the heroic epic motives and themes) and the dependence of finite clauses upon the semantic potential of the generating nouns are discussed.

Key words: finite and non-finite clauses, proper nouns, alliterative verse, Old English poetic discourse, epic narration, "Widsith".

Постановка проблемы

Древнеанглийский аллитерационный стих, восходящий к общегерманской эпохе, строится на чередовании акцентных «вершин» и «спадов», обусловленном семантической функцией слова в высказывании: «вершины» заполняются знаменательными словами, обозначающими ключевые понятия эпического мира, в «спады» вытесняются слова служебные или, вообще, менее значимые в смысловом отношении. Основная единица стиха, долгая строка, складывается из двух кратких строк и обычно включает четыре полнозначные лексемы, выделяемые фразовым ударением, из которых первые три, как правило, связаны аллитерацией, а четвертая, напротив, никогда не аллитерирует. Границы поэтических строк совпадают с границами законченных смысловых частей

² The research was conducted with the support of RFBR grant 17-04-00444 "Grammatical categories in the structure of clauses".

высказывания, в основе которых лежат устойчивые («формульные») семантико- и ритмико-синтаксические схемы, допускающие варьирование. Поэт ведет рассказ, опираясь на традиционные эпические «формулы», укладываемые в пределы кратких или долгих строк. Таким образом, древнегерманский аллитерационный стих не сводим к акцентному стиху новой поэзии, ибо для него характерна архаическая нерасчлененность формы и содержания, требующая от исследователя особого внимания к лексико-грамматическим моделям поэтического дискурса³.

Поскольку семантически значимые имена (особенно имена собственные) гораздо чаще занимают акцентные вершины, нежели глагольные (прежде всего, финитные) формы, им приписывается особая роль в самом возникновении аллитерационного стиха, которое принято связывать с исконно германским поэтическим жанром «тулы» и возводить к перечням аллитерирующих имен в древнегерманских княжеских династиях (ср. Хальвдан – Хродгар – Хредрик в «Беовульфе») или в группах родственных племен (ингвеоны – иствеоны – эрминоны), где аллитерация выступает как «исконный знак сродства» [Смирницкая, 1982а, с. 190]. Подобного рода «архетипические» строки сохранились в дошедших до нас памятниках, сравни парную формулу *Hroþwulf ond Hrodgar* (Wid 45a)⁴ и фразу *Oft Scyld Scefing* (Beo 4a)⁵ в составе кратких строк, связывающих аллитерацией имена сородичей, или высказывание *Mid Seaxum ic wæs ond Sycgum / ond mid Sweordwerum*⁶ (Wid 62), где в составе долгой строки объединены аллитерацией имена народов (последнее из них представляет сложное слово и содержит две полнозначные лексемы).

Аллитерирующие эпические имена ассоциируются не только по звучанию, но и по смыслу. Достаточно указать на повтор корневого элемента *hroþ/hroð* «слава» в именах Хродвульфа и Хродгара или на семантическую связь лексем *scyld* – *scef* ‘щит – сноп’ в имени Скильда Скевинга, намекающую на сакральное значение эпонимов, восходящих к культам войны и плодородия. Роль имен (собственных

³ Обоснование этой гипотезы, опирающееся на историю изучения древнегерманского аллитерационного стиха см. [Смирницкая, 1994]. Согласно О.А. Смирницкой, древнегерманский поэт «оперирует не звуками..., но созвучными знаками» [Там же, с. 71].

⁴ Здесь и далее текст поэмы «Видсид» цитируется с указанием номеров строк по изданию [Wid, 1936].

⁵ Здесь и далее текст поэмы «Беовульф» цитируется с указанием номеров строк по изданию [Beo, 1990].

⁶ Поэмы «Видсид» и «Беовульф» цитируются с делением на краткие и долгие строки (соответственно, через одну и две косые черты). Буквальный перевод примеров принадлежит автору статьи, как и сопровождающие его пояснения в квадратных скобках.

и нарицательных) в формировании аллитерационного стиха как «свода знаний» о героях прошлого (и, шире, ключевых понятиях героического мира) хорошо известна. Значительно менее изучены глагольные расширения (финитные и нефинитные клаузы), которые, формируя поэтическую строку наряду с именами собственными, могли дать начало технике поэтической наррации. Им посвящен наш анализ.

Анализ материала

Разнообразные приемы превращения именных перечней в рассказ донесла до нас поэма «Видсид» («Широкостранствующий»), включающая три обширных «каталога» имен правителей, народов и воинов. Все они содержат формульные выражения с финитными клаузами, где глагол занимает позицию акцентного спада, в смысловом плане составляя лишь зачин рассказа:

*Ætla weold Hunum,
Eormanric Gotum <...>
Casere weold Creacum
ond Cælic Finum (Wid, 18–20)*

*Этла правил гуннами,
Еорманрик готами <...>.
Кесарь правил греками,
а Кэлик финнами [Видсид, 1982, с. 15].*

Формулы с глаголами *weold* «правил», *wæs* «был» и *sohte* «посетил» позволяют поэту представить себя как странника, побывавшего у многих правителей и знакомого с преданиями разных народов. В подобных формулах можно наблюдать первичную стадию раскрытия семантического потенциала имени в сопутствующем глаголе, отображающем встречу сказителя с его персонажами. Далее имена, как «узелки на память», намекающие на репертуар певца, могут «развертываться» в короткие нарративные пассажи, причем повышение смысловой роли глагола сопровождается его выдвижением на «вершины» поэтической строки. Вместе с тем, ограниченный набор глагольных лексем, их устойчивая связь с отдельными именами показывает, что глагол обусловлен ассоциативным полем имени.

Начнем с формулы «правления». Рассказ об Оффе, славном предке англов, как и последующий сюжет о распре данов с хадобардами, строится на расширении формулы за счет контекстуальных синонимов («править» как «завоевать, владеть, охранять») и включения актантов (кто – кем – где «правит»). Ср.

<i>Offa weold Ongle <...></i>	букв. Оффа правил Онгелем <...>
<i>ac Offa geslog <...></i>	ибо Оффа завоевал <...>
<i>cynerica mæst<...></i>	величайшее царство <...>
<i>heoldon forð sibban</i>	владели им после
<i>Engle ond Swæfe</i>	англы и свэвы,
<i>swa hit Offa geslog</i>	(с тех пор) как его Оффа завоевал
(Wid 35–44)	

и

<i>Hroþwulf ond Hroðgar</i>	букв. Хродвульф и Хродгар
<i>heoldon lengest</i>	держали долго
<i>sibbe ætsomne <...></i>	мир между собою <...>
<i>forheowan æt Heorote</i>	порубили у Хеорота
<i>Heaðobeardna þrym</i>	хадобардов рать.
(Wid 45–49)	

Данные примеры позволяют увидеть, что повествование «держится» преимущественно на созвучии имен (Оффа – Онгель – англý, Хродвульф – Хродгар – Хеорот – хадобарды), несмотря на то, что и глаголы занимают акцентные, нередко аллитерирующие вершины.

Сходным образом, хотя с иным семантическим варьированием, расширяется формула «пребывания». Перечисление народов, у которых побывал Видсид, трижды сопровождается упоминанием правителей, щедро одаривших поэта: власть ассоциируется с владением сокровищами. Среди глагольных расширений имен важное место занимает формула «дарения/награды» как неотъемлемых атрибутов пребывания в дружинном сообществе:

<i>Mid Þyringum ic wæs</i>	букв. У тюрингов побывал я
<i>ond mid Þrowendum</i>	и у тровендов,
<i>ond mid Burgendum,</i>	и у бургундов,
<i>þær ic beag gefah,</i>	где я кольца получал;
<i>me þær Gudhere forgeaf</i>	мне там Гудхере подарил
<i>glædlicne maþþum</i>	блистающее сокровище
<i>songes to leane.</i>	в награду за песнь.
<i>Næs þæt sæne cyning!</i>	Не скуп был король!
(Wid 64–67)	

Упоминание имени бургундов, как и имени их вождя, влечет за собой финитные клаузы *beag gefah* (объект + предикат) и *Gudhere forgeaf* (субъект + предикат). Обе раскрывают ассоциативное поле имен: бургундский двор – место получения наград, его глава – субъект дарения. Все сообщение представляет нечто вроде «свернутой»

хвалебной песни, завершающейся традиционной формулой «то был (такой-то) король» (ср. концовку восхваления Скильда Скевинга: *þæt wæs god cyning* (Вео 11b) букв. ‘то был достойный король’). Эту «бытийную» формулу можно рассматривать как преобразование формулы «пребывания»: полнозначный глагол превращается в связочный, позволяя поэту дать характеристику вождю. Подобные конструкции встречаются в «Видсиде» с именами собственными также без развернутого рассказа о правителях, лишь намекая на удачу Хвály и могущество Александра:

*þara wæs Hwala
hwile selest,
ond Alexandreas
ealra ricost* (Wid 14–15).

Имя, развертываемое посредством финитных клауз в высказывание, выступает здесь не в роли «концовки», а в роли «зародыша» хвалебной песни.

Семантическим вариантом конструкции с бытийным глаголом-связкой можно считать конструкцию обладания, указывающую на щедрость некоего Эльфвине, который имел (букв.) ‘легчайшую [на подарки] руку’ и ‘нескупое сердце’:

*Swylce ic wæs on Eatule
mid Ælfwine,
se hæfde moncynnes,
mine gefræge,
leohteste hond
lofes to wyrceenne,
heortan unhneaweste
hringa gedæles,
beorhtra beaga,
bearn Eadwines* (Wid 70–75)

также у Эльфвине
был я в Эатуле;
больше иных он
творил, я знаю,
на широкую руку
добро для смертных,
от щедрейшего сердца
обручьями, кольцами,
златом наделяя,
наследник Эадвине [Видсид, 1982, с. 18].

Как форма *wæs*, так и форма *hæfde* пребывает здесь в позиции акцентного спада, в отличие от финитной формы в идиоматичном обороте *geweald ahte* (Wid 77b) ‘власть имел’ (‘владел’), где глагол занимает четвертую акцентную вершину:

*mid Creacum ic wæs ond mid Finnum
ond mid Casere,
se þe winburga
geweald ahte,
wiolena ond wilna
ond Wala rices* (Wid 76–78)

*был у греков, у финнов,
был у Кесаря,
что праведно правил
градами винными,
казною, золотом
и землями вальскими* [Видсид, 1982, с. 19].

В данном контексте формула «обладания» (*geweald ahte* букв. ‘власть имел’) сливается с формулой «правления»: Кесарь (латинское название правителя выступает как имя собственное) правит вальским царством/городами, распоряжаясь их богатствами. Созвучие имен собственных (греки – Кесарь) перерастает посредством финитной клаузы (*geweald ahte*) в созвучие аллитерирующих наименований, связывающих власть Кесаря над вальским народом с эпической темой пира (ср. «градами винными») и мотивом сокровищ. Показательно, что финитная клауза вводится через союзный оборот *se þe* «тот, который» как характеристика лица: имя превращается в высказывание посредством зависимой (атрибутивной) клаузы. Эпитет, развернутый в высказывание, стал одним из излюбленных декоративных приемов поэтического творчества англосаксов. Поэма «Видсид» позволяет увидеть его первоначальную функциональную нагрузку как способ развернуть имя в рассказ.

Более подробно повествует поэт о своем пребывании у вождя готов Эорманрика (Wid 88–98). Однако глагольная лексика здесь столь же однообразна, как при сообщениях о других правителях, и сводится к обмену дарами. Ср.

1) *þær me Gotena cyning
gode dohte,
se me beag forgeaf,
burgwarena fruma*

(Wid 89–90)

букв. там меня конунг гутов
добром наделил,
который мне кольцо подарил,
градоправитель

<p>2) <i>þone ic Eadgilse</i>
<i>on æht sealde,</i>
<...>
<i>leofum to leane,</i>
<i>þæs þe he me lond forgeaf</i>
(Wid 93–95b)</p>	<p>букв. которое я Эадгильсу
во владение отдал,
<...>
любимому [владыке] взамен
того, что он мне землю
подарил</p>
<p>3) <i>ond me þa Ealhild</i>
<i>oþerne forgeaf</i>
(Wid 97)</p>	<p>букв. ‘а Эальххильд мне
другое [кольцо] подарила’.</p>

Суть в том, что Видсид, получив от Эорманрика кольцо, отдает его Эадгильсу в благодарность за землю, а Эальххильд, супруга Эорманрика, дарит поэту еще одно кольцо. Характерен троекратный повтор формульных выражений с финитной формой *forgeaf* ‘подарил(а)’, которые составляют «костяк» рассказа и словно «прошивают» его изнутри. Интересно, что три из пяти финитных клауз вводятся как определительные придаточные, «разъясняющие» смысл имен в рассказе. Таким образом, в данных примерах одна из двух кратких строк, составляющих долгую строку, как правило, заполняется именем собственным (*Eadgilse*, *Ealhild*) или его эквивалентом (*Gotena cyning*, *burgwarena fruma*), а другая – финитной клаузой.

Обратимся, наконец, к последнему перечню имен (формуле «посещения»). Две пары имен военачальников, построенные по принципу «парных формул» – *Wulfhere ond Wyrmore*, *Wudga ond Hama* – развертываются в короткие сообщения (Wid 119–122, 124b–130). В обоих случаях ясно, что звуковые и смысловые ассоциации имен собственных порождают последующие высказывания, в которых аллиментирующие вершины отданы именным актантам (раскрывающим семантический потенциал имен собственных), а неаллиментирующие – финитным формам глагола (создающим наррацию).

В развертывании сюжета о первой паре героев (*Wulfhere ond Wyrmore*) значима внутренняя семантическая форма их имен, первые части которых обозначают «зверей битвы» (волка и змея-дракона), а вторая часть – «войско». Эти семантические ассоциации вызывают в памяти поэта имя битвы, аллиментирующее с именами воинов, и позволяют построить долгую строку с финитной клаузой, в которой, однако, глагол не только в звуковом плане уступает имени, занимая неаллиментирующую вершину, но и семантически полностью от него зависит, лишь детализуя процесс, обозначаемый именем битвы, ср. *Wulfhere sohte ic ond Wyrmore*, / *ful oft þær wig ne alæg* (Wid 119) букв. ‘Вульфхере посетил я и Вюрмхере; / там часто битва не утихала’. Не исключено, что

появление здесь имени битвы предполагает и ее персонификацию, т.е. может трактоваться как имя собственное. Следующая долгая строка строится на ассоциативном воспроизведении второй части имен героев, созвучной имени их народа (*Hraeda here*); вместе с тем, не исчезает из поля зрения поэта и аллитерация предыдущей строки, которая воплощается далее в топониме *Wistlawudu* и влечет за собой созвучный ему (а также имени битвы *wig*) глагол (*Wulfhere – Wyrnhere – Wistlawudu – wergan*). Ср.

<i>þonne Hraeda here</i>	букв. когда войску хредов
<i>heardum sweordum</i>	мечами острыми
<i>ymb Wistlawudu</i>	в лесу над Вистулой
<i>wergan sceoldon</i>	оборонять пришлось
<i>ealdne eþelstol</i>	престол старинный
<i>Ætlan leodum</i>	от народа Этлы.

(Wid 120–122)

Последняя долгая строка строится на созвучии имени противника и имени обороняемой столицы.

Ритмико-звуковая структура целостного высказывания, предполагающая деление на поэтические строки, полностью укладывается в рамки его семантико-синтаксического членения, отражающего актанты и сирконстанты смыслового глагола (кто – чем – где – что – от кого оборонял). Вместе с тем, их последовательность диктуется, очевидно, не логическими посылками (в этом случае следовало бы ожидать порядка «субъект – предикат – прямой объект» и т.д.), а особенностями строения поэтического дискурса, организуемого как смена зрелищных «клипов», облегчавших аудитории визуализацию услышанного. Трех долгим строкам в указанном высказывании соответствуют три таких «клипа», сконцентрированные на противоборстве своих и чужих и подаваемые, как это ни странно, в обратной последовательности. В первом «клипе» (долгой строке) мы видим войско хредов с поднятыми мечами, во втором – место сражения, в третьем – врагов, нападающих на стольный град. В реальности события, очевидно, развивались в противоположном направлении: сначала враги атакуют столицу, затем хреды во главе с Вульфхере и Вюрмхере прогоняют их в лес и добивают там мечами.

Подобная инверсия получает объяснение в рамках нарративной техники развертывания имени в рассказ, согласно которой атрибуты героев (мечи) как маркеры победы представляют более значимые ассоциативные элементы их имен собственных, нежели иные обстоятельства; кроме того, построение дискурса через «припоминание» событий

(путем развертывания семантического потенциала имени) допускает их обратный порядок. При этом в центре внимания явно оказываются именные конструкции («застывшие кадры»), которые начинают и завершают высказывание, а кодирующий действие составной предикат (*wergan sceoldon* (Wid 121b)) «запрятан» в середину и сопрягается в долгой строке с менее значимым для него семантическим элементом – сирконсантом (*ymb Wistlawudu* (Wid 121a)). Более того, смысловая нагрузка в предикате ложится на аллитерирующий инфинитив (*wergan*), а категории лица и времени отданы модальной связке *sceoldon* (ударной, но неаллитерирующей). Обозначенное инфинитивом действие словно теряет текучесть во времени и мыслится отделенным от конкретной ситуации: глагол сближается с именем. Скорее всего, появление здесь связки едва ли можно приписать лишь одному из ее модальных смыслов (долженствование или повторяемость событий), но следует отнести также за счет дискурсивных стратегий, требующих главенства имени над глаголом как первичным источником информации. Данная конструкция неоднократно встречается в поэме во второй краткой строке, ср. далее, в рассказе о Вудге и Хаме: *þeah þe ic hy anihst / nemnan sceolde* (Wid 126) букв. ‘хоть мне последними / пришлось назвать их’.

В развертывании сюжета о Вудге и Хаме этимология имен (если такая осознавалась) не играет, по-видимому, существенной роли. Следует учесть, однако, что имена эти завершают перечень двучленных имен, ассоциирующихся с войной, где *here* – это ‘войско’, *rond* – ‘щит’, *gisl* – ‘заложник’ и т.д. Ср.

*Rædhere sohte ic ond Rondhere,
Rumstan ond Gislhere,
Wipergield ond Freoþeric,
Wudgan ond Haman* (Wid 123–124).

Аллитерационная коллокация, включающая имя Вудги, как будто подсказывает тему битвы (*wig*), но поэт обращается к характеризующей бытийно-связочной конструкции с собирательным существительным, которое подчеркивает дружбу героев. Ср. *ne wæran þæt gesiþa / þa sæmestan* (Wid 125) букв. ‘то не были сотоварищи / наихудшие’. Имя Хамы, хотя и не аллитерирует, влечет за собой звуковую ассоциацию с *heap* (синоним *here* ‘войско’), благодаря чему далее все же развивается тема битвы. Ср.

*Ful oft of þam heape
hwinende fleag
giellende gar
on grome þeode* (Wid 127–128)

не раз из их рати
свистя летела
во вражье войско
сталь остреная [Видсид, 1982, с. 22].

Отдельный интерес представляет здесь употребление причастий как нефинитных форм глагола, близких имени. С одной стороны, препозиция причастия указывает на его атрибутивный характер (*giellende gar* букв. ‘звонящее копьё’); с другой стороны, соположение с финитной формой *fleag* допускает предикативное осмысление. Симметрия синонимичных причастных форм, равноценных в ритмико-акцентном плане, позволяет трактовать *giellende* не только как атрибут имени копья, но и как сирконстант финитной формы *fleag* (*hwinende fleag // giellende gar* букв. ‘свистя летело, // звеня, копьё’). Вместе с тем, обе нефинитные формы (*hwinende* и *giellende*), разумеется, представляют действие копья иначе, чем финитная форма *fleag*, сообщая ему более «статичный» характер.

Любопытно, что хотя между движением и акустическим образом копья допустима причинно-следственная связь (свистит и звенит, потому что летит, но не наоборот), нефинитное оформление получают глаголы, обозначающие не предпосылку (условие), а следствие⁷. Возникает противоречие между синтаксической и смысловой организацией наррации: как сопутствующие обстоятельства представлены действия, логически более важные. Это противоречие разрешается, если учесть построение древнеанглийского поэтического дискурса, где более значимые по смыслу слова выделяются аллитерацией, но аллитерация по происхождению связана с именами и требует, в первую очередь, именного оформления.

Смысловая значимость акустической глагольной лексики в данном контексте обусловлена также тем, что эта лексика в более сильной степени выражает связанный с битвой мотив «угрозы», нежели идея полета. В результате финитная форма *fleag* оказывается не столь значимой в рассказе и отгесняется на четвертую вершину, немаркированную ни семантически, ни фонетически. Итак, совпадающая с краткой строкой конструкция «причастие + имя» как потенциально предикативная может считаться первичной ступенью превращения имени в высказыванием (сравни ее соотношенность с такими именами вождей, как *Hroþgar*, *Wulfgar*, обусловленную, возможно, персонификацией оружия). В таком случае следующей ступенью должно явиться замещение имени

⁷ Ср. [Кибрик, 2008], где утверждается связь между кодированием действия нефинитной формой деепричастия и его каузальным характером.

финитной формой глагола, представленное в словосочетании *hwinende fleag* (Wid 127b).

Завершается пассаж о Вудге и Хаме повторным воспроизведением парной формулы, словно поэт хочет заверить аудиторию в том, что речь шла именно об этих, а не о других, упомянутых в том же перечне, персонажах:

*Wræccan þær weoldan
wundnan golde,
werum ond wifum,
Wudga ond Hama* (Wid 129–130)

*Вудья и Хама,
хоть и в изгнание,
мужами и женами
державили, и златом* [Видсид, 1982, с. 22].

Вместе с тем, в этом повторе проглядывает и важный момент поэтической нарративной техники – «свертывание» рассказа в имена, из чьего ассоциативного поля он вышел. Постановка имен в оригинале в самый конец высказывания неслучайна. Аллитерация связывает их как единое целое с именами нарицательными, принадлежащими теме власти, и производному от нее мотиву сокровищ, выступая формальным маркером их смыслового сближения.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет предложить следующую гипотезу «порождающей грамматики» древнеанглийского поэтического дискурса, которая распространяется не только на глагольные расширения тул в «Видсиде», но и на другие, еще более «нарративные» части поэмы, посвященные самому сказителю.

Древнеанглийский поэтический дискурс строится на аллитерирующих именах и способен воспроизводить структурно-семантические особенности двучленных имен собственных, объединяемых в перечни-тулы как самый ранний жанр древнегерманского поэтического творчества. Перечень означает перечисление, которое само по себе задает тексту некий линейный план, канву будущего рассказа. Перечисление может расширяться за счет введения новых именных компонентов, а также за счет наращивания перифрастических обозначений, ср.

*Emercan sohte ic ond Fridlan
ond Eastgotan,
frodne ond godne
fæder Unwenes* (Wid 117–118)

*Эмерку нашел я, Фриду
и Эастготу,
добромудрого
родителя Унвене* [Видсид, 1982, с. 21].

Введение имен нарицательных с целью характеристики подразумевает скрытую предикацию как отнесение к более общему разряду, вследствие чего такая аппозиция легко превращается в явную предикацию путем добавления связочной финитной формы *wæs*, ср.

*Offa weold Ongle,
Alewih Denum,
se wæs þara manna
modgast ealra* (Wid 35–36)

*Оффа правил Онгелем,
Алевихданами,
[тот был] из мужей дружинных
державец нахрабрейший* [Видсид, 1982, с. 16].

Правитель может характеризоваться также через синонимичную конструкцию обладания с финитной формой *hæfde*, как в приведенном ранее примере, упоминающем Эльфвине, который (букв.) ‘имел легчайшую [на подарки] руку’ (Wid 70–75), т.е. был щедрым.

Таким образом, простейшим финитным расширением тулы являются клаузы с глаголами ‘быть’ и ‘иметь’, утверждающие наличие у лиц или народов неких признаков. Близки им по смыслу финитные формы в трех «каталогах» имен (*weold* ‘правил’, *wæs* ‘бывал’ и *sohte* ‘посетил’), которые утверждают, прежде всего, само существование выделяемых аллитерацией актантов (субъектов и объектов): «Этла правил гуннами» означает не более чем «у гуннов был правитель по имени Этла». Во всех этих случаях частичной десемантизации глагол не только оказывается вне аллитерации, но и занимает позицию акцентного спада, выступая «сверхдолжной» добавкой как в семантическом, так и в акцентном плане. Следует, однако, учесть, что подобные глаголы, служа формальными маркерами наррации, вводят в тулу элементы дискурса и создают прецедент для введения других финитных форм, т.е. развертывания имен в рассказ.

Предпосылкой превращения аллитерирующих имен собственных в рассказ служит также преобладание среди них двучленных «говорящих» композитов (ср. *Hrod-gar* ‘слава + копьё’)⁸. Семантическая

⁸ О функциях композитов в древнеанглийском поэтическом дискурсе см. [Гвоздецкая, 2016].

двусоставность, предполагающая соотнесенность с именами нарицательными, означает расчленение интуитивно воспринимаемого образа и предрасполагает к линейному разворачиванию скрытой в нем информации. К этому предрасполагает также известная варьируемость двучленных имен, причем не только разных лиц, но даже одного и того же персонажа. Так, в таких парах имен, как Хродгар и Хродвульф (или Вульфхере и Вюрмхере), повтор и варьирование членов композитов предполагают потенциальное присутствие информации (сближающей или, наоборот, разделяющей героев), которая может составить предмет рассказа (хотя семантика имени не всегда предопределяет смысл сообщения: имя Гудхере вызывает у поэта ассоциации не с битвой – *gud*, а с созвучным именем даров – *giefu*). А имя *Ealhild* букв. ‘святылице + битва’ – сначала невесты, затем супруги Эорманрика (Wid 5b, 97a) – в скандинавской версии предания принимает вариантную форму *Swanhild* букв. ‘лебедь + битва’ [Смирницкая, 1982б, с. 252]. Появление в имени «лебединой темы» можно связать с большей развитостью в скандинавской версии валькирического мифа⁹.

Итак, в древнегерманской поэтической традиции имя собственное не является застывшей «меткой» персонажа, но обнаруживает способность к варьированию вместе с варьированием информации о нем. С этой точки зрения любые двучленные эпитеты героев (наряду с генитивными перифразами) могут оцениваться как потенциальные имена собственные. Характерно их совместное использование в эпической вариации, ср. *Ealhild – dryhtcwen – dohtor Eadwines* (Wid 97–98) букв. ‘Эальхильд – жена дружинная – дочь Эадвине’, или *Eormanric – Gote-na cyning – burgwarena fruma* (Wid 88–90) букв. ‘Эорманрик – гóтов вождь – градоправитель’. Повторяемость лексем как компонентов разных моделей позволяет обнаружить размытый характер имени собственного в эпосе. Так, имя Эастгота в сочетании с именами правителей должно быть оценено как имя собственное, но в сопоставлении с перифразой «вождь готов» может быть истолковано как прозвище «восточный гот» или просто «гот» (ср. именование Беовульфа по племенному признаку – геат – в датских эпизодах поэмы), тем более что названия стран света часто выступают в роли первого, зависимого компонента двучленных этнонимов, не меняя их значения: так, эаст-тюринги (Wid 86a) – это те же тюринги (Wid 30b).

Варьирование компонентов имени собственного обуславливает возможность его синтаксического расчленения через трансформацию

⁹ О роли валькирического мифа в древнеисландских героических преданиях см. [Гвоздецкая, 2011].

его модели – сначала в потенциально предикативные словосочетания, а затем в финитные клаузы. В поэме «Видсид» обнаруживаются два пути такой трансформации.

Первый путь реализуется в конструкциях с нефинитными формами глагола, ср. укладывающееся в краткую строку сочетание *giellende gar* (128a) ‘звонящее копьё’, построенное по модели *Hroð + gar*. Варьирование данного сочетания идет через подбор синонимов для первого компонента (*giellende – hwinende*) и через замещение второго компонента финитной формой глагола, что дает предикативный оборот *hwinende fleag* (Wid 127b) ‘свистя летело’. Аналогично причастным появляются инфинитивные обороты, представленные моделью «объект + инфинитив». Ср.

<i>Ongon þa worn sprecan:</i>	букв. Начал [Видсид] многое говорить:
<i>“Fela ic monna gefrægn</i>	«Немало узнал я, как мужам [выпало]
<i>mægþum wealdan!</i>	народами властить!
<i>Sceal þeodna gehwylc</i>	Должен каждый властитель
<i>þeawum lifgan,</i>	по обычаю жить,
<i>eorl æfter oþrum</i>	эрл вослед другому
<i>eple rædan,</i>	вотчиной править,
<i>se þe his þeodenstol</i>	тот кто град свой стольный
<i>geþeon wile</i>	возвеличить желает.

(Wid 9b–13)

Словосочетания *mægþum wealdan* ‘народами властить’ и *eðle rædan* ‘вотчиной править’ следуют концептуальной модели «народ/область + власть/владыка», свойственной как перечням тул (ср. вышеозначенные «каталоги» в «Видсиде»), так и двучленным именам (ср. имя *Beodric* (Wid 24a) ‘племя/народ + могучий’ или патроним *Folcwalding* (Wid 27a) от **Folcwald* ‘народ + владыка’, причем *Wald* встречается как имя вождя (Wid 30a)). Оборот *eðle rædan* ‘вотчиной править’ может рассматриваться как развернутое до словосочетания имя *Æðelræd*, а оборот *giefe bryttian* ‘дарами наделять’ (Wid 102b) сопоставим с такими синонимами вождя, как *beagabrytta* (Beo 35a, 352a, 1487a) букв. ‘кольцедробитель’ и *beag-gyfa* (Beo 1102a) букв. ‘кольцедаритель’. Как причастные, так и инфинитивные обороты, как правило, воспроизводят порядок следования компонентов двучленного имени: зависимый член предшествует главному. Конечно, в деривационном плане отглагольные имена вторичны по отношению к глаголу, но с точки зрения порождения поэтического дискурса дело обстоит иначе.

В вышеприведенном отрывке из зачина поэмы «Видсид» (Wid 9b–13) почти все формы инфинитива (*sprecan, wealdan, lifgan, rædan*), кроме

одной (*geþeon*), занимают синтаксически параллельные и ударные (хотя неаллитерирующие) позиции, а все финитные формы (кроме *wile*) попадают в позицию акцентного спада (*ongon, gefrægn, sceal*). Таким образом, формирование финитной клаузы достигается в основном двумя, обозначенными ранее, способами: развертыванием имени в нефинитную конструкцию и добавлением безударной финитной формы. Исключения показывают возможность дальнейшего повышения «ранга» глагола в рассказе: так, благодаря двучленному имени сочетание *þeodenstol geþeon* оказывается способным формировать вместо краткой строки – долгую (*se þe his þeodenstol / geþeon wile* (Wid 12)), вследствие чего инфинитив перемещается в позицию аллитерации, а связочный глагол – на четвертую (неаллитерирующую) вершину.

Второй путь трансформации модели двувершинного имени (или равноценной ему коллокации двух простых имен) в рассказ представлен предложными именными конструкциями. Так, формирующее краткую строку сочетание *eastan of Ongle* (Wid 8a) букв. ‘с востока из Онгеля’ можно рассматривать как результат преобразования коллокации *Offa weold Ongle* (Wid 35a) ‘Оффа правил Онгелем’, чему способствует отмеченная выше ассоциация компонента *east* с именами народов и правителей в композитах (ср. *Mid Eastþyringum ic wæs* (Wid 86a) букв. ‘у эст-тюрингов я был’ и *ond Eastgotan* (Wid 113b) букв. ‘и Эастготу’). Поскольку имена в сочетании *eastan of Ongle* выступают как актанты или сирконстанты подразумеваемого действия, то становится возможной финитная клауза *hamgesohte*:

*He mid Ealhilde,
fæltre freoþuwebban,
forman siþe
Hredcyninges
ham gesohte
eastan of Ongle,
Eormanrices,
wraþes wærlogan* (Wid 5b–9a)

*с пряхой мира,
с прекрасной Эальхильд
в первый раз ко властителю
хредготов много храбрых
с восхода направился
он из Онгеля
к Эорманрику,
клятвохранителю* [Видсид, 1982, с. 14–15].

В данном случае финитная форма (*ge*)*sohte* (та же, что в формуле «посещения») получает фразовое ударение, занимая акцентную вершину и становясь полноценным элементом рассказа. Тем не менее, в этом отрывке ярко проявляется зависимость финитной клаузы от симметрично расположенных, обрамляющих ее двучленных имен, которыми начинается и заканчивается высказывание.

Итак, двучленные имена дают толчок к повествованию и завершают его, в чем обнаруживаются взаимопревращения имени в рассказ и рассказа в имя. Данная гипотеза, как представляется, «работает» на примере одного из ранних образцов поэтического творчества англосаксов, но требует проверки на более обширном материале героического и религиозного эпоса Древней Англии.

Библиографический список / References

Видсид, 1982 – Видсид // Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 14–22. [Widsith. *Drevneangliiskaya poeziya*. Smirnitskaya O.A., Tikhomirov V.G. (eds). Moscow, 1982. Pp. 14–22.]

Гвоздецкая, 2011 – Гвоздецкая Н.Ю. Девы-лебеди и валькирии в древнеисландской мифозэпической традиции // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. IX. М., 2011. С. 71–88. [Gvozdetskaya N.Yu. Swan-maidens and valkyries in Old Icelandic mythic and epic tradition. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike*. Vol. 9. Moscow, 2011. Pp. 71–88.]

Гвоздецкая, 2016 – Именные композиты в древнеанглийском поэтическом тексте (синтактико-нарративный аспект) // Rhema. Pema. 2016. № 3. С. 47–62. [Gvozdetskaya N.Yu. Nominal compounds in Old English poetic text (syntactic and narrative Aspect). *Rhema*. 2016. № 3. Pp. 47–62.]

Кибрик, 2008 – Кибрик А.А. Финитность и дискурсивная функция клаузы // Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 99–134. [Kibrik A.A. Finite forms and the function of the clause in discourse. *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Moscow, 2008. Pp. 99–134.]

Смирницкая, 1982а – Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 171–232. [Smirnitskaya O.A. Poetic art of Anglo-Saxons. *Drevneangliiskaya poeziya*. Smirnitskaya O.A., Tikhomirov V.G. (eds.). Moscow, 1982. Pp. 171–232.]

Смирницкая, 1982б – Смирницкая О.А. Примечания // Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. Смирницкая О.А., В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 236–312. [Smirnitskaya O.A. Commentaries. *Drevneangliiskaya poeziya*. Smirnitskaya O.A., Tikhomirov V.G. (eds.). Moscow, 1982. Pp. 236–312.]

Смирницкая, 1994 – Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. М., 1994. [Smirnitskaya O.A. Stikh i yazyk drevnegermanskoi poezii [Verse and language in Old Germanic poetry]. Vol. 1–2. Moscow, 1994.]

Beo, 1990 – Beowulf. Swanton M. (ed.). Manchester, 1990.

Bosworth, Toller, 2013 – Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon dictionary online. URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz> (дата обращения: 05.08.2017).

Wid, 1936 – Widsith. Old English text digitised from George Philip Krapp and Elliott Van Kirk Dobbie (eds.) *The Exeter Book. The Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. 3. New York, 1936. URL: http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a03_11.htm (дата обращения: 05.08.2017).

Статья поступила в редакцию 13.08.2017

The article was received on 13.08.2017

Гвоздецкая Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, доцент; заведующая кафедрой английской филологии Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Gvozdetskaya Natalya Yu. – Dr. Phil. Hab.; head of the Department of English Philology of the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: ngvozd@yandex.ru

Л.В. Кваскова

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Эвфемистическое высказывание как фактор реализации коммуникативной стратегии в английском диалоге

Статья посвящена изучению функционирования эвфемистического высказывания в процессе англоязычного диалогического общения. В фокусе внимания находятся коммуникативно-прагматические особенности обозначенной предикативной единицы в ее структурной вариативности. Определенная новизна исследования связана с рассмотрением эвфемистического высказывания как специфического косвенного речевого акта, при помощи которого коммуниканты формируют свою коммуникативную стратегию в конкретном вербальном общении, в частности, стратегию защиты или стратегию манипулирования.

Ключевые слова: эвфемистическое высказывание, диалогическое общение, косвенный речевой акт, коммуникативная стратегия, стратегия защиты, стратегия манипулирования.

L.V. Kvaskova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Euphemistic utterance as a factor of realizing a communicative strategy in English dialogue

The article is devoted to exploring the functional aspect of euphemistic utterance in the framework of English dialogue communication. In the focus are pragmatic and interactional properties of the mentioned predicative unit, realized in its structural variability. Some topicality of the research is connected with viewing

the euphemistic utterance as a specific indirect speech act, used to establish a communicative strategy for achieving pragmatic intentions in actual verbal communication, namely a defense strategy, or a manipulation strategy.

Key words: euphemistic utterance, dialogue communication, indirect speech act, communicative strategy, a defense strategy, a manipulation strategy.

В современной коммуникативной лингвистике широкое распространение получил деятельностный подход к изучению речи, в рамках которого отдельное высказывание рассматривается не только в плане семантико-синтаксической и функционально-стилистической направленности, но и как средство реализации прагматической деятельности человека, в которой он решает свои практические, в том числе профессиональные, задачи. Об этом, например, можно прочитать в фундаментальной книге Е.А. Земской «Язык как деятельность» на материале русского языка, в которой для нашего исследования особенно важны части II и IV, посвященные сферам языка и проблемам коммуникативной и прагматической лингвистики [Земская, 2014]. Базовым положением такого подхода является то, что речь изучается в ее динамике, т.е. как процесс, с привязкой к актуальному ситуативному контексту, в котором «действуют» коммуниканты со своими интенциями, с учетом условий и мотивации развития этого процесса. Здесь одним из существенных признаков функциональной семантики высказывания становится характер межличностных отношений между участниками общения, их порождающими, или интеракциональное взаимодействие, влияющее на выбор языковых средств построения диалога. «Каждый партнер коммуникации ...оказывает влияние на речевое поведение собеседника, выбор им языковых средств и жанра речи. <...> На построение диалога могут влиять профессиональные различия между говорящими, разница в их образовании, что обуславливает различие в их апперцепционной базе и асимметрию их речевого поведения. При этом может возникнуть конфликтный тип речевого взаимодействия...: один из собеседников не вполне понимает другого, не одобряет его манеры речи или же подстраивается под нее» [Там же, с. 340–341].

Исследования в области теории коммуникации показывают, что часто выбор указанных средств обусловлен не уровнем языковой компетенции говорящего, а спецификой его коммуникативной интенции в предлагаемых обстоятельствах диалога, что приводит к подмене коммуникативно-прагматического типа высказывания, детерминированного поступательным ходом общения, другим типом высказывания, буквальное языковое значение которого не является релевантным в этой ситуации. Иными словами, говорящий использует высказывание как «косвенный

речевой акт» (по Дж. Серлю), в котором прослеживается диссонанс между языковой структурой и заложенным в ней коммуникативным смыслом [Серль, 1986]. При этом степень так называемой «косвенности» выражения коммуникативной интенции может быть максимальной: когда употребляется языковая единица с противоположным коммуникативным зарядом. На этом основаны речевые явления эвфемии и дисфемии. В общих словах их можно описать следующим образом. Эвфемия есть замена языковой единицы с отрицательным эмоционально-коммуникативным зарядом на единицу с эмоционально-положительным или нейтральным зарядом, дисфемия есть обратный процесс замены единицы с положительным или нейтральным зарядом на единицу с эмоционально-отрицательной коннотацией [ЛЭС, 1990, с. 590]. Здесь уместно привести мнение Е.И. Шейгал о том, что «эвфемистичность (как и дисфемистичность) не является собственной характеристикой слова... <...> Эвфемия и дисфемия – это способы или особые стратегии использования слова, которые составляют часть более широкой коммуникативной стратегии *косвенности* (выделено нами – *К.Л.*)» [Шейгал, 2004, с. 193].

Объектом аналитического описания в предлагаемой статье является эвфемия как речевое явление, реализуемое через разноуровневые сегменты языка. Это обусловлено широким спектром использования этого явления в различных социальных сферах вербальной коммуникации и в то же время недостаточной теоретической проработанностью коммуникативно-прагматических аспектов эвфемии в современной лингвистике и теории коммуникации. Важно подчеркнуть, что в фокусе исследовательского интереса находится не отдельная лексическая единица, традиционно называемая «эвфемизмом», а целая предикация, функционирующая как актуальное коммуникативное действие, порождаемое субъектом речи с целью осуществления своей коммуникативной интенции. Эту единицу будем условно называть «эвфемистическим высказыванием», исходя из общего понятия «высказывания» как «основной единицы речи, характеризующейся смысловой, интонационной и структурной целостностью, выполняющей коммуникативную функцию и воспринимаемой слушателем в процессе общения. По структуре высказывания могут быть простыми, сложными, диалогическими, эллиптическими, контекстно и ситуативно обусловленными, междометными и др. Они во многих случаях совпадают с предложением, но полностью отождествлять их нельзя: высказывание, как правило, не может функционировать вне контекста, оно не всегда опирается на специально предназначенный для сообщения грамматический образец, по которому строятся предложения» [Стариченок, 2008, с. 115]. Отсюда в качестве

рабочего понятия можно определить эвфемистическое высказывание как функциональную единицу речи, построенную на основе контекстной замены ее компонентов с эмоционально-отрицательной коннотацией на эквивалентные компоненты с нейтральной или эмоционально-положительной коннотацией. Главной особенностью эвфемистического высказывания, релевантной для цели исследования в данной статье, является асимметрия между его языковой формой и функционально-прагматическим содержанием, что предоставляет коммуникантам широкий спектр возможностей для использования его в качестве приема косвенной коммуникативной тактики ведения общения. Многочисленные наблюдения автора статьи за англоязычной речью показывают, что в большинстве случаев эвфемистическое высказывание отличается от прямого оригинала более сложной грамматической структурой, многословным составом, обобщающей семантикой, прагматической «отстраненностью» субъекта речи, стереотипной, часто банальной тональностью.

Подчеркнем, что указанная асимметрия – это не факт языкового узуса, в котором асимметрия между формой и значением есть системное проявление языка, на основе которого строятся, например, многие стилистические фигуры художественной речи. В данном случае условный термин «асимметрия» обозначает так называемую «речевую асимметрию», понимаемую как «одновременное действие двух противоположных тенденций в речи: с одной стороны, обусловленная человеческим фактором и неповторимостью параметров ситуации общения тенденция к выражению индивидуализированных личностных смыслов, с другой стороны – тенденция к упрощению структуры речевых высказываний» [Дементьев, 2006, с. 60]. В этой связи кажется важным и в определенном смысле новым взглядом описание прагматического функционала эвфемистического высказывания как «инструмента» реализации стратегии речевого поведения коммуницирующих субъектов в рамках актуального английского диалога. Правомерность такого толкования подтверждается следующим определением эвфемизма, приведенным в монографии J. Ayto «Euphemisms Over 3,000 Ways to Avoid Being Rude or Giving Offense»: «...набор коммуникативных стратегий, которые разработаны нами, чтобы иметь возможность обращаться к табуированным темам, при этом не нарушая терминологическую точность» [Цит. по: Жельвис, 2003, с. 83].

Эвфемизация речи, как известно, возникает под влиянием неязыковых факторов: говорящий (пишущий) не может или не хочет «называть вещи своими именами» по причинам, связанным с социокультурными, морально-этическими, индивидуально-психологическими, эмоцио-

нальными и другими ограничениями в общении. Иллокутивный акт эвфемизации всегда направлен на смягчение или устранение выражения прямого негативного смысла высказывания. Необходимость обсуждения табуированных тем в вербальном общении всегда в той или иной степени затрагивает индивидуальную эмоциональную природу человека. Об этом говорят и лингвистические словари, например, «табу – запрет употреблять те или другие слова, выражения, собственные имена и др., ... в современных языках связано с культурными, этическими или *эмоциональными* (выделено мной. – *К.Л.*) факторами» [Стариченок, 2008, с. 634]. Не всякий человек может легко обсуждать табуированную тему, не испытывая эмоционального дискомфорта, если ему нужно говорить другому человеку неприятные вещи, например, о тяжелой болезни, личной неудаче, задавать неудобные вопросы или отвечать на них, приводить отрицательные примеры или реагировать на них. Поэтому еще древние греки придумали языковой «инструмент» «хороших выражений», или эвфемизмы (греч. *euphemismos*), т.е. «слова или выражения, которыми заменяют нежелательные, грубые, слишком резкие или нетактичные названия, маскируют их» [Там же, с. 702]. Следовательно, «понятие табу тесно связано с понятием *эвфемизма*» [ЛЭС, 1990, с. 501].

На первый взгляд, интерпретация эвфемистического высказывания не вызывает особых трудностей, поскольку оно формируется вокруг номинативной единицы, имеющей тот же самый денотат, что и соответствующая табуированная единица, поэтому легко узнаваема. Однако в рамках отдельного коммуникативного события это не всегда так. Интерпретация эвфемистического высказывания как косвенного речевого акта осложняется рядом факторов. Как показывают исследования, говорящие (пишущие) используют много разных вербальных способов эвфемизации речи, включая метафорический способ, что приводит к смещению понятий и созданию смысловой образности, осложняющей интерпретацию смысла. Об этом пишет В.П. Москвин в статье «Эвфемизмы, системные связи, функции и способы образования» [Москвин, 2001, с. 61–67].

Дополнительную проблему интерпретации смысла создает тот факт, что иногда смягчение отрицательной коннотации через эвфемии не означает ее полную нейтрализацию, и табуированный смысл может выражаться через замену на менее эмоциональную, но сохраняющую отрицательный заряд эвфемистическую единицу. То есть, на один и тот же табуированный денотат находится несколько эвфемизмов. В этом случае можно говорить о разной степени эвфемизации в диалогическом общении, что тоже может затруднить интерпретацию речи реци-

пиентом. Так, английский глагол *go* 'идти, уходить' и его синонимы, такие как *pass* 'идти, проходить', часто употребляются вместо глагола *die* 'умирать' в различной идеоматической сочетаемости типа *to go west* 'умереть, скончаться'; *to pass away* 'скончаться'.

Однако, несмотря на проблемы интерпретации коммуникативного смысла, выраженного через эвфемии в речи, хочется опереться на важную мысль, высказанную К. Алланом и К. Барриджем в исследовании, посвященном эвфемизмам и дисфемизмам, что эвфемизация есть «язык избегания и уклончивых выражений», когда «говорящий использует слова в качестве защиты» [Цит. по: Жельвис, 2003, с. 82]. Это определение помогает выявить коммуникативно-прагматическую роль эвфемистического высказывания у отдельного говорящего (пишущего), понять мотивы и цель его употребления в конкретном общении. При этом, как показывают наблюдения, диапазон использования эвфемистического высказывания достаточно широкий: от сфер профессионального общения (политика, дипломатия, военное дело, медицина, педагогика) до ситуаций повседневного взаимодействия. Это обусловлено тем, что защитный функционал является неотъемлемым компонентом прагматической семантики любой эвфемистической единицы: он придуман для того, чтобы с его помощью можно было вербально «защищаться» (в широком смысле слова). «Говорить эвфемистично – значит использовать язык в качестве щита против объекта, вызывающего страх, неприязнь, гнев и презрение» [Шейгал, 2004, с. 179]. В этой связи исследовательский интерес представляет анализ защитного механизма через эвфемии в регуляции английской диалогической речи, который реализуется в двух противоположных стратегиях поведения ее участников. Обозначим их условными терминами «защита» и «манипулирование», имея в виду в первом случае защиту в прямом смысле слова (т.е. охрану, предохранение), во втором случае – квазизащиту, «защиту наоборот», манипулирование, как известно, есть своеобразный обман, «ловкость рук», использование средств сокрытия правды, подтасовки фактов в интересах того, кто манипулирует (см., например, объяснение понятия «манипуляция» [Словарь иностранных слов, 1984, с. 293]), манипулирующий субъект как бы защищается через эвфемии от возможного раскрытия своего обмана.

Понятие коммуникативной стратегии, как и понятие коммуникативной тактики, относится к основополагающим понятиям в современной теории коммуникации. Для цели данного исследования важно привести следующее определение коммуникативной стратегии: «в широком смысле коммуникативная стратегия может определяться как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, кото-

рый обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной или локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [Макаров, 2003, с. 194]. В качестве уточнения добавим еще одну дефиницию из этого же источника: «Стратегия предстает как когнитивный процесс, в котором говорящий соотносит свою коммуникативную цель с конкретным языковым выражением» [Там же, с. 193]. Суммируя, можно предположить, что эвфемистическое высказывание есть «языковое выражение» такого типа поведения одного из участников интерактивного диалогического общения, которое связано с коммуникативными целями защиты и/или манипулирования. Далее на материале двух типовых английских диалогов проследим, как действуют механизмы защиты и манипулирования с использованием эвфемистических высказываний в речевом поведении конкретных участников интерактивного взаимодействия.

Сначала хотелось бы уточнить, почему выбор исследовательского материала ограничен английской диалогической речью. Многолетнее изучение английской речи в ее грамматическом и коммуникативно-прагматическом аспектах в качестве предмета профессиональной специализации в научной и преподавательской деятельности позволило автору понять, что в теории речевой коммуникации на английском языке (могу предположить, что и на других языках тоже) проблемы интеракциональной речевой деятельности, или, иначе, фатической коммуникации, являются наименее изученными и актуальными. Тем не менее, в современной коммуникативной лингвистике уже сформировалась самостоятельная область разработки этой проблематики (см., например, труды Т.Г. Винокур, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Е.В. Клюева и др.). В ней выделяют изучение фатического поведения субъектов коммуникации и вербальных средств его реализации в разных сферах общения. «Под фатическим речевым поведением понимают такие речевые акты, интенции осуществления которых нацелены на сами эти акты как способы вступить в общение» [Кваскова, 2016, с. 99]. Признается, что фатическое поведение направлено на достижение двух основных целей общения. «Первая цель сводится к известному тезису “общение ради общения”. Это означает, что обмен словами способствует лишь общности людей и не преследует других, практических целей» [Там же]. Вторая цель предполагает, что «фатическое поведение направлено на то, чтобы способствовать успешности основной, нефатической, коммуникации по решению практической задачи» [Там же].

Интеракциональная коммуникация наиболее полно и многогранно проявляется в прямом диалоге, т.е. в «живом контакте» его участни-

ков. Вполне очевидно, что, т.к. всякий диалог индивидуален – это так называемая речь «здесь и сейчас», то описание изучаемых языковых средств в рамках конкретного диалога не может не влиять на конечные выводы исследования. Однако эти выводы исходят, прежде всего, из некоторых общих тенденций функционирования эвфемистических единиц как речевого явления, осознаваемого в результате изучения большого количества диалогических ситуаций и наиболее ярко представленного в типовых диалогах. Пример диалогической речи именно английского языка как языка глобального общения в контексте изучаемого явления позволяет, по нашему мнению, лучше понять когнитивную природу человека как языковой личности в целом, его поведенческую мотивацию как субъекта коммуникации. При этом очевидно и то, что специфика использования косвенного коммуникативного приема в форме эвфемистического высказывания будет также связана с особенностями каждого национального языка и культуры, с системой ценностей в этой культуре. Но это предполагает отдельное исследование и не является предметом описания в данной статье.

Необходимость прибегать к защитной эвфемии возникает тогда, когда в коммуникации создается «конфликт интересов», но одна из сторон не хочет вступать в открытое противостояние с другой. Эвфемистическая косвенная тактика обусловлена следующими причинами:

а) желанием уйти от табуированной темы разговора, затрагивающей неприятные явления действительности;

б) желанием избежать открытого выражения своей позиции по отношению к этим явлениям;

в) желанием избежать оценки своего партнера по общению, индивидуальное отношение которого к говорящему может быть в силу разных причин негативным, но в то же время зависимость от которого заставляет говорящего искать «обходные пути», чтобы добиться успеха в общении.

Вот фрагмент типового сценария интерактивного общения с использованием эвфемистических высказываний в качестве инструмента защиты. Это диалог взрослого (интервьюера, в тексте обозначенного «I») с девушкой-подростком по имени Хейли (в тексте обозначенной «H») о социальных проблемах подростковой жизни, связанных с алкоголем, наркотиками, сексом (диалог дается в сокращении).

(1) I: *Teenagers get a bad press, don't they?*

H: *I know and I think it's just so unfair – you watch telly or read the papers and it's all kids getting kicks from drugs and booze and stuff.*

I: *So what do you and your friends get your kicks from?*

H: *Well, of course we like going out and having good times. We got clubbing and stuff.*

I: *And drinking?*

H: *Well, actually, most of us get off on dancing. I just lose myself when I'm dancing I ...*

I: *D'you have a boyfriend?*

H: *Not at the moment. Life's simpler that way. I'm really happier without one*¹ [Soars, Soars, 2009, p. 138]

В данном диалоге мы наблюдаем столкновение двух разных прагматических целей: профессиональное желание взрослого получить подтверждение словами самого подростка, что современных тинейджеров интересует прежде всего то, что они называют кайфом (*to get the kicks* 'получать кайф'), который они получают от наркотиков, алкоголя и т.п., и нежелание подростка «подыгрывать» взрослому при обсуждении неприятной темы. Интерактивное взаимодействие строится на основе двух разных стратегий поведения. Интервьюер как профессионал немногословен, точен и прямолинеен в своих вопросах, называя вещи своими именами, не желая тратить время на комментарии и вежливые коммуникативные ходы. Наступательная, агрессивная тактика взрослого заставляет подростка защищаться, но не соглашаться. Для реализации защитно-противительной стратегии девушка использует два вида вербальных знаков:

1) прагматические маркеры контрадикторной связи между пропозициональным содержанием вопроса интервьюера и последующим ответом подростка (*I know and I think* 'Я знаю и я считаю'; *Well, of course* 'Ну, конечно'; *Well, actually* 'Ну, на самом деле');

2) ответные эвфемистические высказывания в качестве инструмента защитной реакции. Используя классификацию способов эвфемизации речи, предложенную Е.И. Шейгал [Шейгал, 2004, с. 197], обратимся

¹ И: О подростках плохо пишут в прессе, не так ли?

Х: Я знаю и считаю, что это несправедливо: смотришь телик или читаешь газеты, а там только о том, что подростки только и делают, что получают кайф от наркотиков или алкоголя, и тому подобная чепуха.

И: А от чего ты и твои друзья получают кайф?

Х: Ну, конечно, мы любим погулять, хорошо провести время. Мы ходим в клубы и все такое прочее.

И: И выпиваете там?

Х: Ну, на самом деле, большинство из нас обожает танцевать. Я просто схожу с ума, когда танцую, я ...

И: А у тебя есть бой-френд?

Х: Сейчас нет. Без них проще жить. Я на самом деле чувствую себя счастливее, когда у меня никого нет ... (перевод наш. – К.Л.).

к прагматическому описанию эвфемистических высказываний в приведенном диалоге в последовательности четырех коммуникативных обменов.

Обмен 1. Подтверждая мнение интервьюера, что в газетах пишут о подростках только плохо, Хейли считает это несправедливым (*I think it's just so unfair* 'Я считаю, что это просто несправедливо'), но не может привести четких аргументов своей оценки и прибегает к эвфемистическому высказыванию как к средству защиты (*it's all getting kicks from drugs and booze and stuff* 'все только о том, что подростки получают кайф от наркотиков и алкоголя и тому подобная чепуха'). Это цитата журналистского клише, часто повторяемого в газетах, которые девушка читает, и здесь воспроизводит с интонацией, подчеркивающей ее досаду. Высказывание формируется на основе структурного расширения с семантической заменой имени с нежелательной оценкой, например, *badkids* 'плохие дети', на обобщающее имя с прономинальным «квантом неопределенности» *all kids getting kicks* 'все дети, получающие кайф'.

Обмен 2. Интервьюер подхватывает брошенную Хейли фразу и переводит вопрос с подростков вообще на неё и её друзей. И опять, защищаясь, девушка уходит от прямого ответа, используя метонимическую замену номинации объектов запрашиваемого действия (*to get the kicks from what* 'получать кайф от чего'), на номинацию обстоятельств, с которыми принято связывать это действие (*we like going out and having good times* 'мы любим погулять и хорошо проводить время', *We got clubbing and stuff* 'Мы любим ходить в клубы и всё такое прочее'). Это эвфемистическое высказывание тоже можно классифицировать как структурно развернутое с «увеличением референтной неопределенности» содержания.

Обмен 3. Интервьюер возвращает Хейли к теме разговора с помощью эллиптического вопроса-подхвата. Это вносит элемент раздражения, маркированный парантезой *actually* 'на самом деле', в ответную реакцию девушки, поскольку ни ее друзья, ни она сама (*most of us* 'большинство из нас', *I just* 'я сама') не относят себя к тем подросткам, которых имеет в виду интервьюер. Чтобы подчеркнуть это, Хейли намеренно уходит от повтора отрицательно-эмоционального оборота *to get the kicks from*, заменяя его сначала на нейтрально-разговорный эквивалент *to get off on* 'обожать', а затем на подчеркнуто книжный *to lose myself* 'сходить с ума'. То есть, эвфемистические высказывания строятся на «эквивалентной замене» предикатов, в которых количество составляющих практически не меняется, но увеличивается степень камуфлирования реального смысла.

Обмен 4. Интервьюер пытается добиться своей цели, «заходя с другой стороны». Вопрос о бойфренде затрагивает самую чувствительную сферу жизни Хейли. Она понимает ущербность своей позиции – все девочки в этом возрасте *have a boyfriend* ‘имеют друга’ – но сдаваться не собирается. На вопрос «в лоб» она дает обтекаемый отрицательный ответ: *Not at the moment* ‘В данный момент нет’, как бы уточняя, что хотя сейчас у нее нет друга, но он был раньше и будет в будущем: все зависит от нее самой. Эвфемистическая реакция строится на основе смягчения отрицания в трех связанных высказываниях, используемых как средство оправдания своего необычного положения. Первое высказывание есть развернутая конструкция «семантического эллипсиса», в которой редуцируется прагматический фокус прямого ответа: отрицательный предикат *don't have* ‘не имею’ замещается обстоятельственной фразой, содержащей отрицание, – *not at the moment* ‘(не имею) в данный момент’. Во втором и третьем высказываниях используются элементы генерализации, размывающие отрицательную коннотацию через широкое значное существительное *way* ‘способ’ и местоименные определители с «диффузной семантикой» *that* ‘тот’, *one* ‘некий’.

Таким образом, в рассмотренном коммуникативном взаимодействии используется стратегия защиты через высказывания с разной степенью эвфемизации речи – от замены отдельной эмоционально-негативной лексической единицы до замены всей предикативной конструкции или ее части на эквивалентные единицы обобщающей, размытой семантики широкого спектра смысловой неопределенности.

В отличие от стратегии защиты, стратегия манипулирования через эвфемии заключается не в прямом, агрессивном навязывании своей оценки, а в постепенном подведении партнера по коммуникации к пониманию необходимости доверять говорящему, даже если говорящий лжет. Здесь следует упомянуть, что в настоящее время стратегия манипулирования, в том числе через эвфемии, широко изучается на материале политического дискурса и СМИ, достаточно сослаться на известную монографию Е.И. Шейгал, цитируемую и в данном анализе [Шейгал, 2004]. Это вполне объяснимо, поскольку манипулирование есть составная часть содержания данных сфер профессиональной деятельности человека, когда в процессе публичной коммуникации сиюминутная прагматическая выгода приводит к тому, что подается непроверенная информация, искажаются факты, делаются выводы при недостаточной аргументации, выдается желаемое за действительное.

Обратимся, однако, к сфере, где манипулирование не является знакомым действием, но практикуется довольно часто. Назовем это сферой взаимодействия лица, обладающего «властью», и лица, контролируемого

«властью». Вот фрагмент типового сценария диалогического контакта между начальником тюрьмы по имени Сэр Уилфред (Sir Wilfred) и только что доставленным заключенным по имени Пол (Paul) из романа И. Во «Упадок и падение».

- (2) *“You must understand”, he (Sir Wilfred – К.Л.) said to Paul, “that it is my aim to establish personal contact with each of the men under my care. I want you to take a pride in your prison and your work here <...>. What’s this man’s profession, officer?”*
“White Slave traffic, sir”.
“Ah yes. Well, I’m afraid you won’t have much opportunity for that here. What else have you done?”
“I was nearly a clergyman once”, said Paul.
“Indeed? Well, I hope in time, if I find enough men with the same intention, to get together a theological class. <...>Still for the present we are only at the beginning. The Government regulations are rather uncompromising. For the first four weeks you will have to observe the solitary confinement ordained by law. After that we will find you something more creative. We don’t want you to feel that your personality is being stamped out.”² [Waugh, 1984, p. 167]

Использование стратегии манипулирования в данном случае характеризуется тремя признаками:

- а) ложным посылом, искажающим ситуативный денотат (*to take a pride in your prison* ‘испытывать гордость, находясь в тюрьме’), – никогда тюрьма не станет местом, которым можно гордиться;
- б) отсутствием тюремного опыта у Пола, поэтому на него легко влиять;
- в) официальным статусом сэра Уилфреда, авторитет которого как начальника тюрьмы делает все его высказывания изначально «истинными».

² «Вы должны понять, – сказал он (Сэр Уилфред – К.Л.) Полу, – моя главная цель – установить личный контакт с каждым моим “подопечным”. Я хочу, чтобы вы испытывали гордость от своего пребывания в тюрьме и от своей работы здесь. <...> Офицер, какая профессия у этого человека?»

«Белая работорговля, сэр».

«А, да. Ну что ж, боюсь, у вас будет немного возможностей здесь. А чем еще вы занимались?»

«Как-то я служил в церкви», – сказал Пол.

«Неужели? Ну что ж, я надеюсь, со временем, если я смогу собрать достаточное количество тех, у кого такое же желание, мы откроем теологический класс. А пока мы находимся лишь в начале пути. Государственные правила достаточно строги. Первые четыре недели вам придется пребывать в одиночной камере по предписанию закона. После этого мы найдем вам что-нибудь более творческое. Мы не хотим, чтобы вы чувствовали, что вашу личность разрушают.» (перевод наш. – К.Л.)

Манипулирование создает эффект подобия правды, заставляя верить, что так начальник тюрьмы беседует со всеми заключенными. Основным языковым инструментом реализации стратегии манипулирования становится эвфемизация речи Уилфреда, прагматической целью которой является, как указывалось ранее, «сокрытие правды об отрицательных сторонах денотата, вызывающего страх, неприязнь, гнев и презрение» [Шейгал, 2004, с. 179], и создание положительного образа учреждения, где заботятся о личности каждого заключенного (*We don't want you to feel that your personality is being stamped out* 'Мы не хотим, чтобы вы чувствовали, что вашу личность разрушают'). Этот вывод, как нам кажется, не противоречит тому, что со стороны слова Уилфреда можно воспринимать как язвительную насмешку, сам-то он демонстрирует, что пытается убедить Пола, что делает для него благо. Иными словами, может возникать ситуация, когда эксплицитная эвфемия будет сопровождаться имплицитным негативным подтекстом. Ответная реакция будет зависеть от способности манипулируемого «считывать» этот подтекст.

В этом примере мы имеем дело, пользуясь терминологией Е.И. Шейгал, с «референциальным манипулированием». Эвфемия затрагивает как фактологическую информацию, так и регулятивное действие смягчения прагматического фокуса восприятия денотата/референта в сторону, выгодную начальнику тюрьмы. Так, главную для заключенного информацию о том, что он будет сидеть в одиночной камере (*the solitary confinement* 'одиночная камера'), начальник тюрьмы сообщает как нечто маловажное и промежуточное ближе к концу монолога. Смягчение отрицательной коннотации центральной номинативной единицы создается за счет преувеличительно-обобщающего пропозиционального содержания высказывания, как бы обосновывающего неизбежность такой меры указаниями свыше (*the Government regulations are rather uncompromising* 'правительственные правила достаточно строгие'; *you will have to observe* 'вам придется подчиниться'; *ordained by law* 'предписанный законом'). Для этого намеренно используется возвышенно-бюрократическая фразеология.

Информация создания видимости установления личного контакта Уилфреда с Полом подается в начале диалога в форме эвфемизма *profession* 'профессия' (*What's this man's profession, officer?* 'Какова профессия этого человека, офицер?'). Этим эвфемизмом в тюремном обиходе называют криминальное деяние, совершенное заключенным, о чем свидетельствует реакция офицера, сообщаящего информацию из судебного вердикта (*White-Slave traffic* 'Белая работорговля'). Далее, обыгрывая двусмысленность существительного *profession*, Уилфред пытается

создать иллюзию, что в тюрьме человек может продолжать развивать профессиональные навыки мирной жизни. Но сначала ему придется пройти через все запреты, установленные тюремным режимом. Поэтому, услышав, что на воле Пол служил в церкви, начальник тюрьмы в подчеркнуто корректной, а по сути – издевательской форме, сообщает ему о невозможности реализации этой его профессии в обозримом будущем. Используются эвфемистические высказывания разной грамматической структуры, замещающие отрицание (*if I find enough men with the same intention* ‘если я найду достаточное количество людей с тем же желанием’; *Still for the present we are only at the beginning* ‘Пока же мы только в начале пути’; *After that we will find you something more creative* ‘После этого мы найдем вам что-нибудь более творческое’), а также скрытое отрицание через синтаксически расширительные конструкции с местоименной заменой конкретно-персонального I ‘Я’ на обобщенно-персональное We ‘Мы’, чтобы создать у адресата ложное восприятие тюремной реальности и своей перспективы в ней.

Таким образом, приведенное аналитическое описание, связанное только с двумя типами диалогических ситуаций, позволяют прийти к заключению, что эвфемистическое высказывание как строевая коммуникативная единица в диалогическом общении на английском языке обладает широким функционалом, охватывающим разноуровневые грамматические сегменты: от отдельного лексического эвфемизма до целой эвфемистической «диктемы» (термин М.Я. Блоха) [Блох, 2000, с. 56–67], т.е. минимальной тематической единицы текста любого формата. Прагматическое назначение эвфемистического высказывания как косвенного речевого акта заключается в том, чтобы служить своеобразным регулятором диалогического общения, в котором реализуется стратегия поведения его участников. При этом эвфемия затрагивает регуляцию как внешней стороны интеракционального взаимодействия партнеров по коммуникации через использование некатегоричных, вежливых форм контакта, так и его внутренней, фактуально-содержательной, стороны, когда в интересах коммуниканта эвфемистическое высказывание преобразует ситуативный референт, придавая ему контекстно-нерелевантную положительную коннотацию, обусловленную интенцией говорящего.

Библиографический список / References

Блох, 2000 – Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67 [Blok M.Y. Dicteme in the level structure of language. *VoprosyYazikoznaniya*. 2000. № 4. Pp. 56–67.]

Дементьев, 2006 – Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006. [Demyntev V.V. Nepryamaya kommunikatsiya [Indirect communication]. Moscow, 2006.]

Жельвис, 2003 – Жельвис В.И. Преуменьшение как средство усиления эмоционального напряжения в дискурсе // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. М., 2003. С. 81–90. [Zhelvis V.I. Underestimation as a means of intensifying emotional tension in discourse. *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs*. Y.A. Sorokin, M.R. Zheltuchina (eds.). Moscow, 2003. Pp. 81–90.]

Земская, 2014 – Земская Е.А. Язык как деятельность. М., 2014. [Zemskaya E.A. Yazyk kak deyatel'nost' [Language as activity]. Moscow, 2014.]

Кваскова, 2016 – Кваскова Л.В. Основы функциональной грамматики: коммуникативно-прагматический аспект. М., 2016. [Kvaskova L.V. Osnovy funktsional'noi grammatiki: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt [Foundations of functional grammar: communicative-pragmatic aspect]. Moscow, 2016.]

ЛЭС, 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. [Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. V.N. Yartseva (ed.). Moscow, 1990.]

Макаров, 2003 – Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. [Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Foundations of discourse theory]. Moscow, 2003.]

Москвин, 2001 – Москвин В.П. Эвфемизмы, системные связи, функции и способы образования // Вопросы образования. 2001. № 3. С. 61–67. [Moskvin V.P. Euphemisms, systemic links, functions and ways of formation. *Voprosy Yazikiznaniya*. 2001. № 3. Pp. 61–67.]

Серль, 1986 – Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 195–222. [Searle J.R. Indirect speech acts. *Novoye v zarubezhnoy lingvistikе*. Vol. 17. Moscow, 1986. Pp. 195–222.]

Словарь иностранных слов, 1984 – Словарь иностранных слов. М., 1984. [Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moscow, 1984.]

Стариченок, 2008 – Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-н/Д., 2008. [Starichenok V.D. Large linguistic dictionary. Rostov-na-Donu, 2008.]

Шейгал, 2004 – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. [Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004.]

Soars, Soars, 2009 – Soars L., Soars J. New Headway: Upper-Intermediate Student's Book. L., 2009.

Waugh, 1984 – Waugh E. Decline and Fall. L., 1984.

Статья поступила в редакцию 17.09.2017

The article was received on 17.09.2017

Кваскова Людмила Васильевна – кандидат филологических наук; профессор кафедры грамматики английского языка Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет

Kvaskova Lyudmila V. – PhD in Linguistics; professor at the Department of English Grammar of the Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University

E-mail: kvaskova48@mail.ru

Г.О. СидоровНациональный политехнический институт,
07320, г. Мехико, Мексика

Автоматическое определение авторства с использованием слогов как классификационных признаков¹

При решении задачи автоматического определения авторства некоторые типы буквенных n -грамм дают лучшие результаты, чем другие типы, как для текстов, написанных на одну тему, так и для текстов на разные темы. Базируясь на хороших результатах буквенных n -грамм для определения авторства, в данной статье мы применяем другой признак (похожий на буквенные n -граммы) – разные типы слоговых n -грамм (для определения авторства текстов как на одну тему, так и для текстов на разные темы, для английского и испанского языков). Мы показываем, что полученные результаты лучше, чем результаты со словами, и в некоторых случаях (на одном корпусе из трех) превосходят результаты, полученные с буквенными n -граммами (на 6%), в двух же других корпусах разница в результатах не в нашу пользу, но она достаточно мала (2%).

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, машинное обучение, определение авторства, стилометрия, выбор признаков, слоги.

¹ Эта работа была частично поддержана правительством Мексики (проект CONACYT 240844, SNI, COFAA-IPN, и SIP-IPN 20161947, 20171813). Я благодарю И. Маркова, Х.-П. Посадаса и Г. Посадас за их неоценимую помощь в подготовке статьи. Я также благодарю Г.Х. Эрнандеса и Э. Лопеса за программирование описанного метода.

G. Sidorov

Instituto Politécnico Nacional,
Mexico City, 07320, Mexico

Automatic authorship attribution using syllables as classification features²

For the Authorship Attribution (AA) task, some categories of character n -grams are more predictive than others, both under single- and cross-topic AA conditions. Taking into account the good performance of character n -grams, in this paper, we examine different features: various types of syllable n -grams as features (for single- and cross-topic AA in the English and Spanish languages). We show that the use of syllable n -grams is usually better than bag-of-words baseline and it overcomes the results obtained using character n -grams in one dataset of three (by 6%), on the other two corpora the difference in results is not favorable, but it is relatively small (2%).

Key words: computational linguistics, machine learning, authorship attribution, stylometry, feature selection, syllables.

1. Introduction

Mainstream of the modern computational linguistics is based on application of machine learning methods. We represent our task as a classification task, represent our objects formally using features and their values (constructing vector space model), and then apply well-known classification algorithms. In this pipeline, the crucial question is how to select the features. For example, we can use as features words, or n -grams of words (sequences of words) or sequences of characters (character n -grams), etc. An interesting question arises: Can we use syllables as features? It is very rarely done in computational linguistics, but there is certain linguistic reality behind syllables. This paper explores this possibility for the Authorship Attribution task.

The Authorship Attribution (AA) task aims at determining who authored an anonymous text given text samples of a number of candidate authors [Juola, 2008]. The history of AA research goes back to the late nineteenth

² This work was partially supported by the Mexican Government (CONACYT project 240844, SNI, COFAA-IPN, and SIP-IPN 20161947, 20171813). I thank I. Markov, J.-P. Posadas and G. Posadas for their invaluable help in preparation of this paper. I also thank H.J. Hernández and E. López for the programming of the described method.

century, when [Mendenhall, 1887] studied the disputed authorship among Bacon, Marlowe, and Shakespeare.

In twentieth century, there were several notorious cases related with the authorship. One of them is *The Federalist* papers published in 1787–1788. They contain 85 essays arguing in favor of the U.S. Constitution, which are considered a remarkable example of political prose. There were three authors of these essays. In 63 cases, the authorship is known, while in other 12 cases, it is disputed and it was the object of early stage authorship attribution studies [Mosteller, Wallace, 1964].

Another case is if the author of The Gospel of Luke also wrote the Book of Acts. There are opposite points of view. Many arguments are based on theological ideas or circumstantial facts, like was Luke the doctor or not.

Another notable case is the dispute about the authorship of the novel “And Quiet Flows the Don” by Mikhail Sholokhov. Some critics claimed that he was too young at the moment of its writing having just 23 years, while the novel is very mature. It was suggested that the other possible author is Fyodor Kryukov, who also wrote about the life of Cossacks. It was supposed that after the death of F. Kryukov in 1920, M. Sholokhov might have access to his manuscripts and used them. A study in 1977 by Scandinavian scientists using existing at that moment computing tools and techniques (sentence lengths, frequencies of several frequent POS n -grams, etc.) confirms the authorship of M. Sholokhov. Maybe, it is worth trying to compare previous results in these cases with modern authorship attribution approaches based on machine learning.

In recent years, the AA task has experienced an increase in interest due to the growing amount of textual data available on the Internet and a wide range of AA applications: it contributes to marketing, electronic commerce, and security purposes, as well as to terrorism prevention and forensics applications, for example, by limiting the number of candidate authors of a text under investigation [Abbasi, Chen, 2000]. The interest in this task is partly driven by the annual organization of the PAN evaluation campaign³, which is held as part of the CLEF conference and is considered as the main *fora* for AA and relates tasks on digital text forensics.

There are two common approaches to tackle the AA task: statistical and machine learning. Statistical methods were widely used in earlier studies. They include histograms of word-length distribution of various authors [Mendenhall, 1887], principle component analysis of function words [Burrows, 1987], etc. Machine learning approach consists in representing the objects

³ <http://pan.webis.de> [last access: 27.12.2016]. All other URLs in this document were also verified on this date.

(text samples) as a set of features and their values, that is, building a vector space model (VSM). This model defines a space of N dimensions; each dimension in this space corresponds to a feature. Then a machine learning algorithm is applied to training data to learn to assign class labels (authors' names) to objects (text samples) using previously selected features. Thus, the AA task from a machine learning perspective is targeted as a multi-class, single-label classification problem, in which the set of class labels (authors' names) is defined beforehand.

Authors' writing style is the most important information required for solving AA problems. Character n -grams are considered among the most discriminating stylistic features for both single- and cross-topic AA task [Stamatatos, 2013; Sapkota et al., 2015; Markov et al., 2017a; Markov et al., 2017d], as well as for similar tasks, such as Author Profiling [Markov et al., 2017c], and others. In single-topic AA task, all the authors write about the same topic, while in cross-topic AA the thematic areas of training and test corpora are disjoint [Stamatatos, 2013]. Cross-topic AA is a more realistic scenario to the development of practical applications of this task, since the thematic area of the target anonymous text is often different from the documents available for training a machine learning classifier. One possible explanation of the good performance of character n -gram features is their capacity to capture various aspects of authors' stylistic choices, including lexical and syntactic nuances, as well as punctuation and capitalization information [Stamatatos, 2009; Kestemont, 2014]. [Sapkota et al., 2015] showed that not all categories of character n -grams are equally indicative. They claim that character n -grams that capture information concerning affixes and punctuation marks (morpho-syntactic and stylistic information) are more effective than when using the whole set of character n -grams, that is, when including those n -grams that capture thematic content (word-like n -grams).

One of the challenges when using character n -grams is to determine the optimal size of these features. The size can depend on the language and corpus, as well as on the category of character n -grams [Markov et al., 2017a]. Syllables are able to capture the same information as typed character n -grams, being linguistically adjusted to the appropriate size. It makes it interesting to examine the predictiveness of syllables as features for the task of AA. Moreover, to the best of our knowledge, no work has been done on using syllables as features for this task.

In this paper, we conduct experiments adopting the categories of character n -grams proposed by [Sapkota et al., 2015] to syllables. We examine the predictiveness of these features under single- and cross-topic AA conditions using English corpora, as well as under cross-topic AA conditions

using a Spanish dataset. We compare the obtained results with the typed character n -grams approach proposed in [Sapkota et al., 2015], with the bag-of-words approach, and with random baseline.

The research questions addressed in this paper are the following:

1. Can syllables be used as predictive features for single- and cross-topic AA task?
2. Which categories of syllables are more effective for the English and Spanish languages?
3. Is the conclusion reported in [Sapkota et al., 2015], that for the English language, the best performing model is based solely on affix and punctuation n -grams, valid also for syllables? Is this conclusion valid for the Spanish language?

The remainder of this paper is organized as follows. Section 2 describes related work in single- and cross-topic AA. Section 3 presents the procedure of adopting character n -gram categories to syllables. Section 4 describes the datasets used in this work. Section 5 and 6 present the experimental settings and the obtained results. Finally, Section 7 draws the conclusions from this work and points to the directions of future work.

2. Related work

Over the last years, a large number of methods have been applied to Authorship Attribution (AA) problems. Most of the prior work focused on single-topic AA conditions, when texts for training and evaluation are written on the same topic. A great variety of feature types aiming at capturing stylistic properties of author's style, feature representations, and machine learning algorithms were examined for single-topic AA (see [Stamatatos et al., 2014] for a more detailed overview of single-topic AA studies). Function words [Holmes, 1994; Kestemont, 2014], part-of-speech n -grams [Diederich et al., 2003], functional lexical features [Argamon et al., 2007], and functions of vocabulary richness [Stamatatos et al., 2000] are considered to be reliable markers of author's style.

[Qian et al., 2014] showed that the combination of different feature types improves the performance of the AA models.

[Van Halteren, 2004] introduced a linguistic profiling technique, when counts of linguistic features are considered to compare separate authors to average profiles.

[Luyckx, Daelemans, 2008] analyzed the effect of using a larger set of authors (145 authors) on feature selection and learning, and the effect of using limited training data in the AA task.

[Koppel, Winter, 2014] introduced the "impostors" method based on repeated feature sub-sampling methods.

[Gómez-Adorno et al., 2015] achieved promising results extracting textual patterns based on features obtained from shortest path walks over integrated syntactic graphs. However, a single-topic condition considerably simplifies the realistic scenario of AA problems, since in many realistic situations in which stylometry is applied (e.g., forensics), it is very unlikely to obtain examples of the writing on the same topic and genre.

Recently, the focus of the AA community has shifted towards cross-topic and cross-genre AA conditions [Stamatatos et al., 2015], which is a more challenging but yet a more realistic scenario to the development of practical applications of this task, since style is affected by both genre and topic. [Posadas-Durán et al., 2016] demonstrated that feature representation plays an important role in this task. The authors achieved high performance using doc2vec-based feature representation.

[Sapkota et al., 2014] showed that out-of-topic data, that is, training texts from multiple topics instead of a single topic, allows achieving higher results under cross-topic AA conditions.

Various independent studies report a substantial accuracy drop under cross-topic AA conditions when compared to single-topic and single-genre conditions, suggesting that obtaining high cross-topic and cross-genre results remains challenging in AA [Stamatatos et al., 2015]. Detailed overview of cross-topic and cross-genre AA studies is given in [Stamatatos et al., 2015].

Several prior studies have demonstrated the predictiveness of character n -gram features both under single- and cross-topic AA conditions [Luyckx, Daelemans, 2008; Stamatatos, 2013; Sapkota et al., 2015; Markov et al., 2017a]. These language-independent stylometric features have proved to provide good results in this task due to their sensitivity to both the content and form of a text, among other reasons [Daelemans, 2013; Kestemont, 2014].

More recently, the work by [Sapkota et al., 2015] showed that some categories of character n -grams perform better than others for the English language. The authors concluded that there is no need to consider the whole set of character n -gram features, claiming that excluding word-like n -grams enhances AA accuracy.

2.1. Syllables and their use in Authorship Attribution

Most of the studies in AA [Fucks, 1952; Grieve, 2005] and other natural language processing (NLP) tasks, such as Author Profiling [Pentel, 2015], text cohesion and text difficulty estimation [McNamara et al., 2010], automatic readability assessment [Feng et al., 2010], among others, that explore syllables, use the average number of syllables per word as features and not syllables as such. Reviewing the AA-related literature, we did not encounter any mentions of using syllables as features for this task nor for related

tasks. This makes it important to study the impact of syllables and different categories of syllables in single- and cross-topic AA. The assessment of their performance in the English and Spanish languages is the basis of the main research question addressed in this work.

The absence of application of syllables in the tasks of the computational linguistics is surprising. Especially if we compare it with the wide use of character n -grams. In fact, syllables is a linguistic reality, especially it is a psycholinguistic reality. Say, when a person starts learning to read, he usually is composing letters into syllables. On the other hand, the first phonetic writing systems were based on syllables, which later turned into letters corresponding to single sounds.

We will not discuss in this paper the definition of syllables. Note that we are dealing with the written texts, so for our purposes it is sufficient to have some syllabification rules. Further we consider various types of syllables depending on the word structure (position of a syllable in a word), similar to typed/untyped character n -grams.

3. Untyped and typed syllables

In this work, the same categories of character n -grams as introduces in [Sapkota et al., 2015] are applied to syllables. All character n -grams and syllables are grouped into three super categories (affix-, word-, and punctuation-related n -grams/syllables). The definitions of the categories of character n -grams and syllables are provided below. We slightly refine some of the original definitions of character n -gram categories provided in [Sapkota et al., 2015], with the aim of making them more accurate. Thus, the categories of character n -grams are the following:

Affix character n -grams

- prefix*: An n -gram that covers the first n characters of a word that is at least $n + 1$ characters long.
- suffix*: An n -gram that covers the last n characters of a word that is at least $n + 1$ characters long.
- space-prefix*: An n -gram that begins with a space and that does not contain any punctuation mark.
- space-suffix*: An n -gram that ends with a space, that does not contain any punctuation mark, and whose first character is not a space.

Word character n -grams

- whole-word*: An n -gram that encompasses all the characters of a word, and that is exactly n characters long.
- mid-word*: An n -gram that contains n characters of a word that is at least $n + 2$ characters long, and that does not include neither the first nor the last character of the word.

multi-word: An n -gram that spans multiple words, identified by the presence of a space in the middle of the n -gram.

Punctuation character n -grams (abbreviated as *punct*)

beg-punct: An n -gram whose first character is a punctuation mark, but the middle characters are not.

mid-punct: An n -gram whose middle character is a punctuation mark.

end-punct: An n -gram whose last character is punctuation, but the first and the middle characters are not.

The similar categories of syllables are the following:

Affix syllables

prefix: First syllable of a word that has at least two syllables.

suffix: Last syllable of a word that has at least two syllables⁴.

Word syllables

whole-word: One-syllable word.

mid-word: Middle syllables of a word that has at least three syllables.

multi-word: Last syllable of a word and first syllable of the next word.

Punctuation syllables (abbreviated as *punct*)

beg-punct: A punctuation mark followed by first syllable of the next word.

mid-punct: Last syllable of a word followed by a punctuation mark followed by first syllable of the next word.

end-punct: Last syllable of a word followed by a punctuation mark.

Tables 1 and 2 show the extracted character n -grams and syllables, respectively, when applying the proposed categories to the following sample sentence:

(1) *She said, "My mother will arrive tomorrow night."*

Table 1

Character n -grams ($n = 3$) per category for the sample sentence (1), where SC stands for Super Category

SC	Category	Character trigrams
Affix	prefix	<i>sai mot wil arr tom nig</i>
	suffix	<i>aid her ill ive row ght</i>
	space-prefix	<i>_sa_mo_wi_ar_to_ni</i>
	space-suffix	<i>he_My_er_ll_ve_ow_</i>

⁴ For syllables, space-prefix and space-suffix categories are omitted since they correspond to prefix and suffix categories.

End table 1

SC	Category	Character trigrams
Word	whole-word	<i>She</i>
	mid-word	<i>oth the rri riv omo mor orr rro igh</i>
	multi-word	<i>e_s_y_m_r_w_l_a_e_t_w_n</i>
Punct	beg-punct	<i>,_ “My</i>
	mid-punct	<i>d,_ “M_t.”</i>
	end-punct	<i>id, ht.</i>

Table 2

**Syllables per category for the sample sentence (1),
where SC stands for Super Category**

SC	Category	Syllables
Affix	prefix	<i>moth ar to</i>
	suffix	<i>er rive row</i>
Word	whole-word	<i>She said My will night</i>
	mid-word	<i>mor</i>
	multi-word	<i>She_said My_moth er_will will_ar rive_to row_night</i>
Punct	beg-punct	<i>“My</i>
	mid-punct	–
	end-punct	<i>said, night.</i>

We examine three models of syllables, using the models applied by Sapkota et al. (2015) to character *n*-grams. Note that we use different feature sets (syllables) in each case, i.e., we obtained these feature sets in different manner.

All-untyped: when the categories of syllables are ignored; any distinct syllable is a different feature.

All-typed: when syllables of all available categories (*affix* + *word* + *punct*) are considered.

Affix + *Punct*: when the syllables of the *word* category are excluded.

The conclusion of [Sapkota et al., 2015] was that in the English language, models based on *affix* + *punct* features were more efficient than models

trained using all the features. In this paper, these three models were applied in order to examine whether this conclusion is also valid for syllables; moreover, we examine whether this conclusion is also valid for the Spanish language.

4. Datasets

We conduct two sets of experiments using (i) English single- and cross-topic corpora and (ii) using Spanish cross-topic corpus. In case of English, we use the same datasets as in [Sapkota et al., 2015]. That is, for single-topic experiments, we use a subset of the Reuters Corpus Volume 1 [Lewis et al. 2004], which consists of corporate news written by 10 different authors with 100 newswire stories per author on the same thematic area. Following [Sapkota et al., 2015], balanced training and test settings of this corpus were considered. We refer to this single-topic English corpus as CCAT 10. For cross-topic experiments in English, we used *The Guardian* corpus. This corpus is composed of opinion articles published in *The Guardian* newspaper in four thematic areas (Politics, Society, World, and U.K.). The texts were written by 13 different authors. Following previous studies [Stamatatos, 2013; Sapkota et al., 2015], ten documents per author were considered for each of the four thematic areas.

A new cross-topic Spanish corpus was built automatically using crawler developed in the Python programming language. Given a set of URL seeds, the crawler extracted the names of the authors and the corresponding articles from the news website Cultura Collectiva⁵. The developed Spanish corpus consists of articles written in six thematic areas (Cinema, Food, Photography, Art, Design, and Lifestyle) by 6 different authors. We did not construct similar corpus for single-topic condition for Spanish, since we did not have enough resources for this. We preferred cross-topic condition, which is the modern trend.

The corpus is unbalanced in terms of documents written by authors on six topics (Table 3), since the use of a balanced subset of the corpus was not feasible due to a very short number of authors with a relevant number of texts in all six considered topics. Therefore, the developed cross-topic Spanish corpus addresses more challenging but at the same time more realistic AA conditions, when the same number of text samples written by different authors is not available.

Table 4 shows some of the statistics of the CCAT 10, *The Guardian*, and Spanish corpora.

⁵ <http://CulturaCollectiva.com>.

Table 3

**Number of documents written by authors on six topics
for the Spanish corpus**

Author #	Cinema	Food	Photo	Art	Design	Lifestyle	Total per author
Author 1	52	16	16	22	9	34	149
Author 2	51	16	17	31	12	54	181
Author 3	26	5	21	18	44	33	147
Author 4	6	4	9	13	5	14	51
Author 5	14	7	4	13	8	12	58
Author 6	9	2	7	12	12	15	57
Total per topic	158	50	74	109	90	162	–

Table 4

Statistics of the CCAT 10, *The Guardian*, and Spanish corpora

Corpus	# authors	# docs/author/topic	# sentences/doc	# words/doc
CCAT 10	10	100	19	425
<i>The Guardian</i>	13	13	53	1034
Spanish Corpus	6	see Table 3	36	962

To perform tokenization, we used Natural Language Toolkit⁶ tokenizer.

5. Automatic Syllabification

After analyzing existing modules for syllabic division for both English and Spanish (Pyphen⁷, PyHyphen⁸, and Hyphenate⁹), we noticed that a large number of words encountered in the corpora are not present in the dictionaries of these modules and/or are divided incorrectly into syllables. Therefore, we decided to use existing lexical resources in order to perform syllabic division. Thus, for the English language we used Moby Hyphenator¹⁰, which contains 186,097 hyphenated entries. If a word encountered in the corpus is not

⁶ <http://www.nltk.org>.

⁷ <https://pypi.python.org/pypi/Pyphen>.

⁸ <https://pypi.python.org/pypi/PyHyphen>.

⁹ <https://pypi.python.org/pypi/hyphenate>.

¹⁰ <http://icon.shef.ac.uk/Moby/mhyph.html>.

present in the Moby Hyphenator, we used alternative lexical resources that allow syllabic division¹¹. For the Spanish language, we used the dictionary of syllabic division OSLIN-Es¹², which contains 110,527 hyphenated entries. Table 5 presents some statistics on how many words (%) were encountered in the dictionaries for each of the three considered corpora.

Table 5

Statistics about the dictionaries used for syllabic division

Corpus	N of words in corpus	N of words encountered in the dictionary	% of words encountered in the dictionary
CCAT 10	20,073	13,747	68.49 %
The Guardian	25,518	21,680	84.96 %
Spanish corpus	36,995	23,049	62.30 %

It is clear that the syllabification techniques with dictionaries do not cover the whole set of words (see Table 5). Thus, we applied a heuristic for extension of the coverage based on the morphological structure of the words. We considered the sets of prefixes and suffixes for English and Spanish languages, and used them for division into syllables. This method of division is justified by the idea that we are interested in typed syllables related to affixes. This heuristic allowed to improve the coverage up to 90 %.

Another consideration with respect to the coverage is that the words that are not in the mentioned dictionaries should be relatively rare words or named entities. So we expect that their influence on authorship attribution is minimal.

Probably, simpler heuristic based on phonetical rules would give better results, for example, division into syllables using just positions of vowels or combinations of vowels. We leave this option for future work.

6. Experimental methodology

In this paper, we apply standard methodology based on application of machine learning methods: (1) we represent our task as classification problem, (2) then we select the features and their values (i.e., we construct Vector Space Model, VSM), (3) further we prepare the data (corpus), which is marked with necessary information (in our case, it is just the author of each text), and (4) finally, we apply traditional machine learning algorithms

¹¹ <https://www.howmanysyllables.com>; <https://ahdictionary.com>; <http://www.dictionary.com>.

¹² <http://es.oslin.org/syllables.php>.

(like Naive Bayes or Support Vector Machines, which allow for evaluation of results: typically, calculation of accuracy or F1-measure) over the marked corpus using features from the VSM.

One of the evaluation schemes, which we applied in this paper, consists in dividing the data into training and test sets. Then the machine learning algorithm learns from the training set and make decisions for further evaluation over the test set. Note that these two sets should always be different, otherwise overfitting occurs. Other possible approach to evaluation is k-fold cross-validation.

Another important part of research is comparison with other methods from state-of-the-art or baseline methods. As the baseline, usually a very simple (“silly”) method is applied, for example, random selection or selection of the majoritarian class.

One of the most traditional approaches using machine learning in text related tasks is to use words as features in the VSM. This is called bag-of-words model (BoW). It is “bag” in the sense that there are no relations between words, they all are independent. This supposition of independency, which is too strong, is usually overcome in other models, for example, by using n -grams of various types. Note that bag-of-words approach is commonly considered as a strong method for AA and related tasks [Jarvis et al., 2014; Markov et al., 2017a], though it is relatively simple and computationally inexpensive method.

Now let us describe the application of this general scheme to our task.

AA as a classification problem. As we already mentioned, authorship attribution task from a machine learning perspective is targeted as a multi-class, single-label classification problem, in which the set of class labels (authors’ names) is defined beforehand. Our objects are texts, their labels are the authors. Note that there can be many authors, i.e., it is multi-class problem. We learn from the texts with the known authorship (training data), and then we should decide the author of the new texts (test data).

Feature selection. This is central point of the machine learning approaches. [Sapkota et al., 2015] used for the same task case-sensitive typed character n -grams of length 3 and considered only those features that occur at least 5 times in the training corpus. Note that this is the full description of the model that they used. We used the same approach with the same threshold for the frequency, but instead of typed character n -grams we use various types of character n -grams obtained from syllables as described in Section 3.

Data preparation. We use three corpora marked with authors of the texts, one for single-topic and two for cross-topic authorship attribution, as described in Section 4.

Application of machine learning algorithms. As in [Sapkota et al., 2015], we used WEKA's [Hall et al., 2009] implementation of Support Vector Machines (SVM) for classification. SVM classifier has been shown to be effective for the AA task and was the classifier of choice under cross-topic conditions at PAN 2015 [Stamatatos et al., 2015].

Evaluation of experiments. Each model is evaluated in term of accuracy on the test corpus. For publicly available single-topic corpus CCAT 10, the division into test and training data is already established. So, we just performed the evaluation over the existing data. For cross-topic experiments, testing is performed on one topic, while training on the rest of topics. This procedure is repeated for each topic and the results are averaged. We carried out experiments applying three models described in Section 3 to syllables. These models correspond to the categories of features: *all-untyped*, *all-typed*, and *affix + punctuation*.

Comparison. We used the variation of the bag-of-words approach, when punctuation marks are excluded, that is, we considered only the frequency of the words. Next, we conducted experiments using character 3-grams. We applied the algorithm of [Sapkota et al. 2015] to the three corpora described above. Though we implemented the algorithm following as exactly as possible the description, the obtained results on the CCAT 10 and *The Guardian* corpora are slightly different (less than 1%). Correspondingly, we compare the results obtained using syllables with our own implementation of the algorithm of [Sapkota et al., 2015]. We also compare with random baselines (see next section).

7. Experimental results

The results in terms of classification accuracy using the bag-of-words baseline, three models of character 3-grams and syllables on the CCAT 10, *The Guardian*, and the Spanish corpora are shown in Table 6¹³. Note that all the results are much superior as compared to random baseline (and they are good in this sense. i.e., all methods have reasonable performance). Say, if we have 10 authors (CCAT 10 corpus), the random baseline, i.e., assigning the author by chance, is 10%. In *The Guardian* corpus, we have 13 authors, so the random baseline is 7.7%. In Spanish corpus, there are 6 authors, so the baseline is 16.7%. In Table 6, we show the results using bag-of-words approach and three models (*untyped*, *typed*, and *affix + punctuation*) of character *n*-grams and syllables. The best accuracy for each dataset is highlighted in bold typeface and underlined, the result of the second best method is highlighted.

¹³ Programming of the method was performed by H.J. Hernández and E. López.

Table 6

**Accuracy (%) of the results on the CCAT 10,
The Guardian and Spanish corpora**

Approach	<i>All-untyped</i>	<i>All-typed</i>	<i>Affix + punct</i>
CCAT 10			
Random baseline	10.0	–	–
Bag-of-words	76.2	–	–
Char. <i>n</i> -grams	78.2	78.0	<u>78.8</u>
Syllables (our)	76.6	77.0	72.8
The Guardian			
Random baseline	7.7	–	–
Bag-of-words	46.0	–	–
Char. <i>n</i> -grams	52.5	50.0	52.3
Syllables (our)	50.1	45.0	<u>58.1</u>
Spanish corpus			
Random baseline	16.7	–	–
Bag-of-words	55.1	–	–
Char. <i>n</i> -grams	56.0	56.3	<u>56.5</u>
Syllables (our)	54.2	54.8	52.9

In Table 7 we present the number of features used in each experiment. Number of features is the number of dimensions in the corresponding Vector Space Model: for bag-of-words, it is the number of words used as features; for character *n*-grams or syllables, it is the number of *n*-grams or syllables of the corresponding type. It is important that though these numbers are large (from 2,000 to 17,000), they are still tractable, i.e., they are not too large, like hundreds of thousands of features, which would be intractable. Let us remind that for character *n*-grams we used the threshold for frequency (more than 5 appearances). Note that the information of the number of features is useful for comparison of machine learning methods, but it is mainly supplementary information. It is worth noting that the size of the feature set is larger when using syllables, except for the case of *affix + punctuation*, when the size is 15–30 % less.

**Number of features used in the CCAT 10,
The Guardian and Spanish corpora**

Approach	<i>All-untyped</i>	<i>All-typed</i>	<i>Affix + punct</i>
CCAT 10			
Bag-of-words	5,166	–	–
Char. <i>n</i> -grams	9,258	10,859	6,296
Syllables (our)	16,991	18,826	5,497
The Guardian			
Bag-of-words	2,595	–	–
Char. <i>n</i> -grams	5,728	6,903	3,779
Syllables (our)	7,947	2,691	2,201
Spanish corpus			
Bag-of-words	2,087	–	–
Char. <i>n</i> -grams	4,914	5,735	3,005
Syllables (our)	5,802	6,420	1,821

It is well-known that the results in cross-topic scenario are lower than in single-topic conditions, because it is much more difficult to make authorship attribution using cross-topic data. For example, in modern competitions on authorship attribution (like PAN) only cross-topic scenario is considered as being more challenging. The reason of this major difficulty is the radical changes in the vocabulary: for a new topic, the authors do not use the majority of words corresponding to a previous topic. This tendency is also observed in our results: there is about 20 % of difference in the results for CCAT 10 (single-topic) and for the other two corpora (cross-topic).

For the English language, our approach outperforms the bag-of-words method. On one corpus (CCAT 10) we obtained lower results than those obtained with character 3-grams (difference 2.2 %), while on the other one, *The Guardian*, we won by 5.8 %. This result is obtained using *affix + punctuation* features. The other feature types are slightly worse for syllables.

For Spanish, the results obtained using syllables are lower than both the BoW method and the character 3-grams approach, but the difference is very small (0.3 % for BoW and 1.8 % for character *n*-grams).

Speaking about character 3-grams, *affix + punctuation* is the best model for this type of features on two of the three corpora, but the difference is less than 1 %. Thus, the supposition of [Sapkota et al., 2015] is valid for the Spanish language, but it is not conclusive since the difference is rather small. Thus, we cannot confirm that it will always hold.

It is worth noting that our syllabification techniques do not cover the whole set of words (see Table 5), and though we further applied heuristic based on the the morphological structure, which augmented the coverage to 90 % of words, better syllabification methods should be applied in future.

8. Conclusions and future work

In this paper, we tackled the authorship attribution (AA) task using different categories of syllables as features. Syllables have not been previously used as features for this task, while they are capable of capturing all the information that is captured by typed character n -grams, which are considered among the best predictive features for this task [Sapkota et al., 2015].

Syllables obtained better results on one of the three corpora (5.8 % better) and worse results (difference of 2.2 % and 1.8 %) on other two corpora.

One of the possible explanations is that a complete dictionary of syllabification is required for the proper performance of this approach, while existing libraries and developed dictionaries still do not cover all the words encountered in the corpora. The proposed heuristic based on the morphological word structure should be reconsidered as well.

One of directions for future work would be to improve our dictionaries for both the English and Spanish languages, as well as to build dictionaries for other languages not addressed in the current work. We will examine other representations of the proposed features, including doc2vec-based feature representation, which is known to provide good results for AA [Posadas-Durán et al., 2016]. Moreover, we will examine the effect of applying latent semantic analysis, which allows significantly reducing the number of dimensions in the vector space model [Sidorov et al., 2016]. We will also conduct experiments under cross-genre and cross-corpus AA conditions, as well as consider languages other than English and Spanish.

References

Abbasi, Chen, 2005 – Abbasi A., Chen H. Applying authorship analysis to extremist-group web forum messages. *IEEE Intelligent Systems*. 2005. Vol. 20. No. 5. Pp. 67–75.

Argamon et al., 2007 – Argamon S., Whitelaw C., Chase P., Hota S.R., Garg N., Levitan S. Stylistic text classification using functional lexical features. *Journal of the American Society of Information Science and Technology*. 2007. Vol. 58. No. 6. Pp. 802–822.

Burrows, 1987 – Burrows J. Word-patterns and story-shapes: The statistical analysis of narrative style. *Literary and Linguistic Computing*. 1987. Vol. 2. No. 2. Pp. 61–70.

Daelemans, 2013 – Daelemans W. Explanation in computational stylometry. *Proceedings of the 14th International Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics*. 2013. Pp. 451–462.

Diederich et al., 2003 – Diederich J., Kindermann J., Leopold E., Paass G. Authorship attribution with support vector machines. *Applied Intelligence*. 2003. Vol. 19. No. 1–2. Pp. 109–123.

Feng et al., 2010 – Feng L., Jansche M., Huenerfauth M., Elhadad N. A comparison of features for automatic readability assessment. *Proceedings of the 23rd International Conference on Computational Linguistics*. 2010. Pp. 276–284.

Fucks, 1952 – Fucks W. On the mathematical analysis of style. *Biometrika*. 1952. Vol. 39. No. 1–2. Pp. 122–129.

Gómez-Adorno et al., 2015 – Gómez-Adorno H., Sidorov G., Pinto D., Markov I. A graph based authorship identification approach. *Working Notes Papers of the CLEF 2015 Evaluation Labs*. 2015. Vol. 1391.

Grieve, 2005 – Grieve J. Quantitative authorship attribution: A history and an evaluation of techniques. MSc dis. Simon Fraser University. 2005.

Hall et al., 2009 – Hall M., Frank E., Holmes G., Pfahringer B., Reutemann P., Witten I.H. The WEKA data mining software: An update. *SIGKDD Explorations*. 2009. Vol. 11. No. 1. Pp. 10–18.

Holmes, 1994 – Holmes D. Authorship attribution. *Computers and the Humanities*. 1994. Vol. 28. No. 2. Pp. 87–106.

Jarvis et al., 2014 – Jarvis S., Bestgen Y., Pepper S. Maximizing classification accuracy in native language identification. *Proceeding of the 8th Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications*. 2013. Pp. 111–118.

Juola, 2008 – Juola P. Authorship attribution. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008. Vol. 1. No. 3. Pp. 233–334.

Kestemont, 2014 – Kestemont M. Function words in authorship attribution. From black magic to theory? *Proceedings of the 3rd Workshop on Computational Linguistics for Literature*. 2014. Pp. 59–66.

Koppel, Winter, 2014 – Koppel M., Winter Y. Determining if two documents are written by the same author. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 65. No. 1. Pp. 178–187.

Lewis et al., 2004 – Lewis D.D., Yang Y., Rose T.G., Li F. RCV1: A new benchmark collection for text categorization research. *Journal of Machine Learning Research*. 2004. Vol. 5. Pp. 361–397.

Luyckx, Daelemans, 2008 – Luyckx K., Daelemans W. Authorship attribution and verification with many authors and limited data. *Proceedings of the 22nd International Conference on Computational Linguistics*. 2008. Pp. 513–520.

Markov et al., 2017a – Markov I., Baptista J., Pichardo-Lagunas O. Authorship attribution in Portuguese using character n -grams. *Acta Polytechnica Hungarica*. 2017. Vol. 14. No. 3. Pp. 59–78.

Markov et al., 2017b – Markov I., Gómez-Adorno H., Posadas-Durán J.-P., Sidorov G., Gelbukh A. Author profiling with doc2vec neural network-based document embeddings. *Proceedings of the 15th Mexican International Conference on Artificial Intelligence*. 2017. Vol. 10062. Pp. 117–131.

Markov et al., 2017c – Markov I., Gómez-Adorno H., Sidorov G. Language- and subtask-dependent feature selection and classifier parameter tuning for author profiling. *Working Notes Papers of the CLEF 2017 Evaluation Labs*. 2017. Vol. 1866.

Markov et al., 2017d – Markov I., Stamatatos E., Sidorov G. Improving cross-topic authorship attribution: The role of pre-processing. *Proceedings of the 18th International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Text Processing*. 2017.

McNamara et al., 2010 – McNamara D., Louwerse M., McCarthy P., Graesser A. Cohmetrix: Capturing linguistic features of cohesion. *Discourse Processes*. 2010. Vol. 47. No. 4. Pp. 292–330.

Mendenhall, 1887 – Mendenhall T. The characteristic curves of composition. *Science*. 1887. Vol. 9. No. 214. Pp. 237–249.

Mosteller, Wallace, 1964 – Mosteller F., Wallace D.L. Inference and disputed authorship: The Federalist. Reading, MA, 1964. (Reprinted: Stanford: Center for the Study of Language and Information. 2008.).

Pentel, 2015 – Pentel A. Effect of different feature types on age based classification of short texts. *Proceedings of the 6th International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications*. 2015. Pp. 1–7.

Posadas-Durán et al., 2016 – Posadas-Durán J.-P., Gómez-Adorno H., Sidorov G., Batyrshin I., Pinto D., Chanona-Hernandez L. Application of the distributed document representation in the authorship attribution task for small corpora. *Soft Computing*. 2016. Vol. 21. No. 3. Pp. 627–639.

Qian et al., 2014 – Qian T., Liu B., Chen L., Peng Z. Tritraining for authorship attribution with limited training data. *Proceeding of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. 2014. Pp. 345–351.

Sapkota et al., 2014 – Sapkota U., Solorio T., Montes-ó-Gymez M., Bethard S., Rosso P. Cross-topic authorship attribution: Will out-of-topic data help? *Proceedings of the 25th International Conference on Computational Linguistics*. 2014. Pp. 1228–1237.

Sapkota et al., 2015 – Sapkota U., Bethard S., Montes-ó-Gómez, M., Solorio T. Not all character n -grams are created equal: A study in authorship attribution. *Proceedings of the 2015 Annual Conference of the North American Chapter of the ACL: Human Language Technologies*. 2015. Pp. 93–102.

Sidorov et al., 2016 – Sidorov G., Ibarra Romero M., Markov I., Guzman-Cabrera R., Chanona-Hernández L., Velásquez F. Detección automática de similitud entre programas del lenguaje de programación Karel basada en técnicas de procesamiento de lenguaje natural. *Computaciyn y Sistemas*. 2016. Vol. 20. No. 2. Pp. 279–288.

Stamatatos, 2009 – Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. Vol. 60. No. 3. Pp. 538–556.

Stamatatos, 2013 – Stamatatos E. On the robustness of authorship attribution based on character n -gram features. *Journal of Law & Policy*. 2013. Vol. 21. Pp. 427–439.

Stamatatos et al., 2014 – Stamatatos E., Daelemans W., Verhoeven B., Stein B., Potthast M., Juola P., Sánchez-Pérez M.A., Barrón-Cedeño A. Overview of the author identification task at PAN 2014. *Working Notes of CLEF 2014 – Conference and Labs of the Evaluation forum*. 2014. Pp. 877–897.

Stamatatos et al., 2015 – Stamatatos E., Daelemans W., Verhoeven B., Juola P., Lypez-Lopez A., Potthast M., Stein B. Overview of the author identification task

at PAN 2015. *Working Notes of CLEF 2015 – Conference and Labs of the Evaluation forum*. 2015.

Stamatatos et al., 2000 – Stamatatos E., Kokkinakis G., Fakotakis N. Automatic text categorization in terms of genre and author. *Computational Linguistics*. 2000. Vol. 26. No. 4. Pp. 471–495.

Van Halteren, 2004 – Van Halteren H. Linguistic profiling for author recognition and verification. *Proceedings of the 42nd Annual Meeting on Association for Computational Linguistics*. 2004.

Статья поступила в редакцию 17.09.2017

The article was received on 17.09.2017

Сидоров Григорий Олегович – кандидат филологических наук; профессор лаборатории естественного языка и обработки текста Центра компьютерных исследований, Национальный политехнический институт, г. Мехико, Мексика

Sidorov Grigori – PhD in Linguistics; research professor at the Natural Language and Text Processing Laboratory of the Center for Computing Research, Instituto Politécnico Nacional, Mexico City, Mexico

E-mail: sidorov@cic.ipn.mx

Д.В. Сичинава

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
119090 г. Москва, Российская Федерация;
Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения¹

В статье рассматривается соотношение между частицей *было* и информационной структурой русской клаузы. Не только линейное положение *было* в клаузе мотивируется семантически, но и само наличие этой частицы (которую часто считают «факультативной») зависит от того, находится ли глагол, к которому она относится, в фокусе информационной структуры. Это явление связано с синхронной семантикой этой частицы и обсуждается также в контексте соответствующих свойств древнерусского плюсквамперфекта, потомком которого является данная русская конструкция.

Ключевые слова: частица *было*, информационная структура, фокус информационной структуры, плюсквамперфект, порядок слов.

D.V. Sitchinava

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119090, Russian Federation;
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The Russian particle *bylo*: word order, semantics and information structure of a clause²

The paper deals with the relationship between the Russian particle *bylo* and the information structure of the Russian clause. Not only the linear position of *bylo* within a given clause is semantically motivated, but the presence itself

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФ 16-18-02003.

² The article was written with the support of RSF grant 16-18-02003.

of the particle depends on whether its verbal scope is focalized. The phenomenon is related to the semantics of the particle and is discussed also in typological and diachronic contexts.

Key words: *bylo*, informational structure, focus, pluperfect, word order.

1. Частица *было*: общее

Русской частице *было* посвящено уже заметное количество подробных исследований, как теоретически-нейтральных [Varentsen, 1986; Князев, 2004/2007; Храковский, 2015], так и в рамках различных теоретических парадигм: теории грамматикализации [Шоштайшвили, 1998], теории «ориентации», восходящей через Д. Пайяра к А. Кюльоли [Попова-Боттино, 2009], формальной семантики, языка «возможных миров» [Kagan, 2011]. В работе [Сичинава, 2009] обращено специальное внимание на сочетаемость частицы *было* с разными классами глаголов (и конкретными лексическими единицами), а также на ее препозицию и постпозицию по отношению к финитному и нефинитному глаголу.

Выделяются следующие классы употреблений частицы *было*.

1. Аннулированный результат:

- (1) *Написал было еще слово «УМОЛЯЮ»,
но зачеркнул его и отдал листочек Ванюшке.*
(Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998))

2. Недостигнутый результат (авертив); для этого значения в русском языке имеется и специальный показатель *чуть (было) не* [Varentsen, 1986, 35 ff; Путеводитель, 1993; Козлов, 2015]), а также его синоним *едва (было) не*; в современном языке обычно выступает с наречиями *совсем, уже*:

- (2) *Ведь я, деточка, совсем было погиб.*
(Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (1971–1977))

3. Прекращенная ситуация (с глаголами несовершенного вида):

- (3) *Хотел было Анатолий Григорьевич от такой жизни наложить на себя руки, но понял, что человек сам кузнец своего счастья, и стал его ковать.*
(Аркадий Арканов. Скорая помощь. Юмор (1985–1995))

4. Нарушение нормального хода ситуации (в то время как материальный результат вполне может быть достигнут):

- (4) *Дед неуклюже поднялся было с места, но что-то замешкался, что-то завозился, и тут она увидела, что на стуле стоит туго стянутый узел – красный платок в горошек.*

(Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, ч. 5 (1978))

‘дед поднялся, но цели скрыть узел, очевидно, имевшейся у него, не достиг’

Именно последний класс значений А. Барентсен рассматривает как своего рода инвариант, объединяющий все предыдущие: «a disturbance of the natural flow of events» [Barentsen, 1986, p. 52]. Независимо от него (но опираясь на работы Ю.П. Князева и используя его понятие «макроситуация») к схожим выводам приходит О. Каган: актуальный мир «аномален» и не инерционен; инерция развития ситуации передается его альтернативе – множеству возможных миров, которые не осуществляются: «The particle *bylo* is appropriate whenever an eventuality that is instantiated in w_0 is followed by an event of a certain kind in all of its inertia worlds but not in reality» [Kagan, 2011, p. 83].

Существует давняя традиция рассматривать частицу *было* как модальную, прежде всего как маркер (неосуществленного) желания осуществить некоторую ситуацию, см. [Barentsen, 1986] (где представлен обширный обзор работ русистов начиная с первой половины XIX в.), [Petrukhin, 2006]. Причиной этого является характерная для современной частицы коллексемная сочетаемость с глаголами желания, попытки, едва намеченного действия (список наиболее частотных лексем, встречающихся в конструкции в связи с этой частицей, см. в [Сичинава, 2013, с. 252]); это так называемые глаголы с семой проспективности [Падучева, 2016, с. 64]. В то же время характерные для древнерусского плюсквамперфекта и раннего современного русского языка (Early Modern Russian, см. об употреблении этой частицы в языке XVIII в. [Сичинава, 2013, с. 204–231]) строго «антирезультативные» (в терминологии [Плунгян, 2001]) значения – аннулированный материальный результат, авертив – современному языку свойственны в значительно меньшей степени, ср. неестественные в современном языке примеры из языка XIX в.:

- (5) *Без щита твоего и мать твою, и детей твоих пленили было Печенеги.* (А.Ф. Вельтман. Райна, королева болгарская (1843))

‘чуть было не пленили’

- (6) *Раз меня так-то убил было один чеченец: я с него просил по десяти монетов за лошадь.* (Л.Н. Толстой. Казаки (1863))

‘чуть было не убил’

2. Частица *было* в клаузе: семантизация порядка слов

Частица *было* восходит к согласуемому элементу *был-* в составе древнерусского плюсквамперфекта (так называемой «сверхсложной» формы типа *ходиль (есмь) былъ*, где вспомогательный глагол стоял в форме аналитического прошедшего времени, а полнозначный в форме *-л-*причастия). Элемент *был-* в древности подчинялся закону Вакернагеля, будучи энклитикой одного из последних рангов (подробнее см. [Циммерлинг, 2013, с. 489–492]), хотя, вероятно, применительно к нему этот закон «установился не вполне прочно» (см. [Зализняк, 2008, с. 39–40]), и, соответственно, помещался после первого ударного слова клаузы:

- (7) фофудъи **быль** твоихъ :бъ: **ръкъль** ѿ собѣ
 (Новгородская берестяная грамота 675, середина XII в.)
 ‘Из твоих фофудий [драгоценных тканей] девять **выговорил**
 я себе’

В XVII в. (возможно, и чуть раньше) в центральных русских говорах этот элемент утратил согласование и превратился в неизменяемую частицу *было* (известен также диалектный вариант с усечением конечного гласного – неизменяемое *был*, например, в московских грамотках XVII–XVIII вв. [Сичинава, 2013, с. 210] и в современных муромских говорах [Тер-Аванесова, 2016]). В остальных литературных славянских языках (из тех, где эта форма не вымерла вовсе) и во многих русских говорах согласование элемента *был-* сохранилось, кое-где на восточнославянской территории наряду с несогласуемой формой (явление диахронического «наслаивания», layering)³. В современном языке размывается и вакернагелевский статус частицы *было* (в XVIII в. сохранявшийся еще неплохо): при определенных лексических, синтаксических, прагматических и семантических условиях частица *было* меняет свою позицию. В вышедших в 2009 г. двух статьях [Сичинава, 2009] (см. также [Сичинава, 2013, с. 232–272]) и [Попова-Боттино, 2009] обращается внимание на некоторые из этих факторов.

³ У частицы *было* (по крайней мере в северных говорах), по-видимому, есть и альтернативный источник грамматикализации – финитный сериализованный глагол *было*, представляющий собой прошедшее время от так называемого «избыточного *есть*» (ср. [Шевелева, 2007]). У этого *было*, иногда почти сливающегося с «плюсквамперфектным», можно тем не менее выделить несколько иные свойства и с семантической, и с сочетаемостной, и с просодической точки зрения. Встречающееся иногда в литературных текстах *было*, синонимичное *бывало* (ср. также украинское неизменяемое *було*, сосуществующее с плюсквамперфектом), вероятно, имеет именно такие корни: *Так что твои колокола, в которые звонил было брат Павлусь, покойник!* (Г.Ф. Квитка-Основайенко. Пан Халаявский (1839)); *Рассказывал было Парамон, как приятель его все с гостеприимной койки на волю убежал.* (Владимир Лиучутин. Вдова Нюра (1973))

В первой из этих статей отмечено, что сохранению препозиции *было* благоприятствуют препозитивные частицы/наречия *уж(е), совсем, сперва, даже*, «тянущие» *было* в вакернагелевскую позицию после себя, а также ряд конкретных глагольных лексем – прежде всего, это глаголы эмоций и волеизъявления (*подумать* ‘захотеть’, *решить* ‘захотеть сделать’, *испугаться, успокоиться*). При этом тенденция к препозиции *было* при глаголах этого класса в ряде случаев оказывается сильнее, чем энклитический статус *было* – в приведенных ниже примерах клаузы с этой частицы начинается (хотя это возможно, по крайней мере с начала XX в., и при глаголах других классов):

(8) *Когда прочитала о новом канале Мегаспорт, было подумала, что пора закрывать темку.*

(Автогонки-3. Форум: forumsport.ru. 2005).

(9) *Заметили эту аморалку британцы, было обрадовались, но тут же и огорчились.*

(Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)).

Т.Л. Попова-Боттино считает, что *было* – строгая энклитика, и всякое препозитивное *было* стоит либо в строгой вакернагелевской позиции, либо после паузы, отделяющей тему от ремы: На *минуту / притихли было* – иными словами, в терминологии А.А. Зализняка, ритмико-синтаксического барьера; случаи типа (8)–(9) в начале клаузы ей неизвестны. Т.Л. Попова-Боттино, основываясь на опросе информантов, считает, что вакернагелевское или постпозитивное положение *было* связано с информационной структурой предложения [Попова-Боттино, 2009, с. 77]. В первом случае (10а) предложение с *было* прочитывается с контрастивным акцентом на предикативной вершине и связано с проверкой имеющейся у собеседника презумпции (верификативная, или модальная рема). Во втором случае (10б), согласно автору, речь идет о простом «информативном высказывании», не связанном с презумпцией (нотация акцентов по С.В. Кодзасову⁴; вся первая клауза в обоих случаях считается нерасчленимой):

(10) а. *Что же, ты так и не посмотрел фильм с Аджани?*

[*Мы с Петей было “пошли в кино”, да деньги забыли.*

б. *Что ты вчера делал?*

[*Мы с Петей пошли было в ‘кино’, да деньги забыли.*

⁴ Мы согласны с анонимным рецензентом настоящей статьи, что усматривать вслед за Т.Л. Поповой-Боттино различный тип фразового акцента в этих предложениях как минимум не обязательно (различие между этими предложениями заключается в выборе акцентоносителя).

Еще одно важное изменение, связанное с энклитической частицей *было*, заключается в том, что спустя некоторое время после утраты согласования она перестала быть показателем одной конкретной аналитической глагольной формы и превратилась в спутника любых словоформ прошедшего времени, в том числе причастий и деепричастий, и даже некоторых их функциональных аналогов – *praesens historicum* и других употреблений настоящего времени в нестандартном режиме интерпретации (*Солдаты **бросаются было** на выручку своему предводителю*), результативных прилагательных (***готовый было** погибнуть*) и нулевого глагола (*Я от него **было** и двери на запор*). Процесс этот начался не позже последней четверти XVIII в.⁵, когда отмечен следующий пример:

- (11) *Настала сеча, но самые свирепейшие тотчас пали мертвы, а потом скоро и другие, **побежавшие было** к месту, где лежало оружие.*

(М.И. Веревкин. История о странствиях... (1782)).

Нефинитные конструкции с *было* (представленные, прежде всего, сочетаниями с причастиями совершенного вида – остальные примеры достаточно редки) существенно отличаются от примеров с финитным глаголом прошедшего времени как по семантике (и соответственно лексическим предпочтениям), так и по линейному порядку частицы *было* внутри клаузы. Парадоксальным образом эти конструкции, несмотря на их позднее и чисто книжное происхождение (причастия вообще чужды живой разговорной речи), а, может быть, именно поэтому, гораздо архаичнее по обоим параметрам. Закон Вакернагеля соблюдается в них достаточно строго, частица не начинает причастного оборота. С семантической точки зрения причастия с *было* имеют, как правило, классическое значение аннулированного результата, и список частотных глаголов, употребительных в составе таких оборотов, радикально отличается от коллексемного «частотного словаря» финитной конструкции (подробнее см. [Сичинава, 2013, с. 240 и далее]). Существенно различается и обязательность самой частицы *было* в финитных и нефинитных контекстах. Если с финитным глаголом нарушение нормального хода события уже, как правило, выражено в ближайшем контексте (и противительный союз представлен в большинстве примеров: Р *было*, но Q):

- (12) *Правда, **появился было** Пашка Воронин, но, разглядев, кто плывет, ушел в клуб.*

(Борис Можяев. Живой (1964–1965)),

⁵ В [Сичинава, 2009, 2013] он ошибочно датируется лишь пушкинской эпохой.

то совсем иначе обстоит дело с причастием, где наличие или отсутствие *было* меняет условия истинности предложения:

(13) а. – *Что такое?* – *завозился на диване задремавший было дед.*

(А.А. Олейников. Велькино детство (2007))

(‘проснувшись’).

(13) б. *завозился на диване задремавший дед*

(‘сквозь сон’).

Все это заставляет рассматривать нефинитные и другие маргинальные конструкции с *было* (подавляющее большинство которых составляют причастия прошедшего времени совершенного вида) отдельно от основной массы примеров с финитным глаголом.

3. Частица *было* и порядок подлежащего и сказуемого

Выше речь шла о порядке частицы *было* по отношению к другим словам в предложении. Рассмотрим линейный порядок подлежащего и сказуемого в клаузах с частицей *было*, финитным глаголом и выраженным подлежащим (тем самым из рассмотрения выпадают, в частности, причастные и деепричастные клаузы с *было*, а также редчайшие клаузы с нулевым глаголом). Базовый порядок слов – SV [Циммерлинг, 2016, с. 85]; порядок VS маркирован и предполагает либо выделение подлежащего как фокуса (ремы), либо нерасчлененное (тетическое) предложение типа *Наступило утро*, либо особую инверсию ремы (там же). Оказывается, что с порядком VS частица *было* (при любой линейной позиции относительно контактных, без учета частицы, подлежащего и сказуемого) отмечена значимо реже, чем с порядком SV (материал подкорпуса Национального корпуса русского языка со снятой грамматической омонимией, точный двусторонний критерий Фишера, $p \approx 0,01$) (табл. 1).

Таблица 1

Частица *было* при контактных подлежащем и сказуемом с разным порядком слов

	SV	VS
без <i>было</i>	81498	51799
с <i>было</i>	76	28

Исследователями уже обращалось внимание на вероятную связь частицы *было* с маркированием фокуса. В работе [Попова-Боттино, 2009], как мы уже видели, утверждается, что частица *было* маркирует,

в частности, рему (помещаая сразу после паузы, отделяющий тему от ремы) и контрастивный (верификативный) акцент в нечленном высказывании. А в докладе [Козлов, 2015] показано, что русская авертивная конструкция *чуть (было) не* требует фокусной позиции глагола, к которому она относится. А.А. Козлов ставит вопрос и о том, не обладает ли аналогичными свойствами и частица *было*. Действительно, она имеет с конструкцией *чуть (было) не* как семантические, так и этимологические пересечения. Рассмотрим с этой целью, уже на материале всего основного корпуса Национального корпуса русского языка, все VS-клаузы с частицей *было* (уже не только с контактным порядком подлежащего и сказуемого).

Отметим прежде всего, что сам тип VS-клауз с частицей *было* отмечен в текстах с неодинаковой частотностью в разные периоды истории русского языка. Относительные частоты таких клауз (рассчитывалось отношение к общему количеству финитных словоформ прошедшего времени во всем корпусе и в художественной прозе, на которую приходится подавляющее большинство примеров⁶) в XX в. упали вчетверо (при подсчете на всем корпусе) или, по крайней мере, втрое (при подсчете на подкорпусе художественной прозы) по сравнению со второй половиной XIX в. В свою очередь, вторая половина XIX в. представляет собой частотный пик в истории этой конструкции, хотя еще и в первой половине позапрошлого столетия она встречалась чаще, чем в современных текстах (табл. 2). Об одной из причин такой картины (конструкция *сказал было Иван*) см. ниже.

Таблица 2

Распределение VS-предложений с *было* по хронологическим отрезкам корпуса

Период	Количество VS с <i>было</i>	Количество словоформ V _{praet, indic} во всем корпусе	ipm	Количество словоформ V _{praet, indic} в художественных текстах	ipm
1950–2015	518	10 837 753	47,8	6 136 701	84,4
1900–1949	302	5 415 375	55,8	3 108 824	97,1
1850–1899	664	3 194 958	207,8	2 071 109	320,6
1800–1849	66	925 041	71,3	494 213	133,5

⁶ Кроме XVIII в., где примеров всего 15 и большая часть их не из художественных текстов.

Теперь обратимся к их информационной структуре (табл. 3). Оказывается, что конструкция с *было* при порядке слов VS выступает в современных текстах (после 1950 г.) в подавляющем большинстве случаев (76%) в составе постпозитивных комментариев к прямой речи (это могут быть как собственно глаголы речи, так и обозначения сопровождающих эмоций, движения и др., см. [Jordanskaja, Mel'čuk, 1981]), где инверсия обязательна:

- (14) *Видишь, Петро, – заговорил было Егор, но и замолк*
(Василий Шукшин. Калина красная (1973)).

Еще 20% (для современных текстов) составляют случаи, приходящиеся на один из трех классов.

1. Тетические (нечленимые) клаузы [Падучева, 2016, с. 34; Циммерлинг, 2016, с. 92–95 et passim], как правило, вводящие в рассмотрение тот или иной объект. В этих предложениях в большинстве случаев выступают глаголы возникновения, появления и т.д., в том числе лексически закрепленные за определенными существительными (*забрезжила надежда, встал вопрос, шевельнулось желание, пронеслись слухи, завязался разговор, зашла речь, поднялся шум, произошел переполох, раздались аплодисменты, пошел дождь, выпал снег, блеснул луч* и т.п.). Самые частотные глаголы в этом типе клауз: *начаться, мелькнуть, возникнуть, появиться, подняться, показаться, выйти, произойти, явиться, сделаться, вспыхнуть, завести, прийти, раздаться, послышаться, найтись, завестись*.

- (15) *У нас опять было зарядил дождь на 2 дня,
а сейчас проснулась – солнышко.*
(М. Письма из Санкт-Петербурга подруге в Саратов (2010)).

- (16) *В одном из полков (во Владимирском) оказались было
приверженцы Пугачева.* (Пушкин. История Пугачева (1833)).

2. Дислокация ремы [Падучева, 2016, с. 36; Циммерлинг, 2016, с. 89–90] с инверсией рематического глагола, выносимого в начало клаузы. Количество таких предложений ожидаемо возрастает в литературных сказках и «сказовой» стилизации под эпос и простонародную речь.

- (17) *Присмирели было враги, сколько-то лет опасались
на Русь нападать.*
(С.М. Голицын. Сказания о земле Московской (1968–1988)).

- (18) *Посыкнулись⁷ было купцы вновь отстроить, да не выстроили.*
(Л.Н. Толстой. Записные книжки (1873–1879)).

В лексическом отношении этот тип контекстов не отличается от сочетаемости конструкции с частицей *было* в целом.

3. Зависимые (гипотаксические) определительные или актантные клаузы:

- (19) *Танкисты рассказывали, смеясь, как на перевале обстреляли было их партизаны.* (Любовь Кабо. Правдёнка (1997)).
- (20) *И пришед к Москве, по указу великих государей, столп каменный, что поставили было стрельцы, сломали до подошвы.*
(И.А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709)).

Таблица 3

Количественное распределение типов VS-предложений с *было*

Период	THETIC	INVER	HYPO TAX	other	DirectSpeech
1950–2015	70	26	8	18	396
1900–1949	78	33	1	17	173
1850–1899	88	62	10	16	488
1800–1849	14	12	8	5	27
1700–1799	7	5	3	0	0

Распределение этих типов, кроме комментариев к прямой речи, весьма устойчиво диахронически; так, разница между соотношением частот тетических клауз и клауз с инверсией ремы в XVIII, XIX и XX вв. статистически незначима. Иначе обстоит дело с VS-предложениями, комментирующими прямую речь; здесь очень резко статистически значимая граница (двусторонний критерий Фишера, $p < 0,001$) проходит по середине XIX в. Вообще до 1840-х гг. контексты типа *сказал было Иван* в корпусе практически не встречаются (при том что подобные VS-предложения без *было* отмечены и в XVIII в., например, в переводных

⁷ Малоизвестный сейчас глагол *посыкнуться* ‘вознамериться, попытаться’ (в XIX в. попавший не только в лексикон В. Даля, но и в академические и даже переводные словари) встретился в VS-*было*-конструкции, кроме этого толстовского примера, еще дважды, что удивительно для такой низкочастотной лексики: у А.Н. Энгельгардта в «Письмах из деревни» и у А.И. Эртеля в прямой речи крестьянина из «Гардениных». Он удачно сочетает в себе «простонародный» сказовый колорит и семантику неудачной попытки: все (!) пять вхождений этого глагола совершенного вида в НКРЯ сопровождаются частицей *было* (и приходится вдобавок на довольно узкий хронологический диапазон, 1870–1890).

прозаических баснях Д.И. Фонвизина). Менее, но все же значимы ($p < 0,01$) границы между первой половиной XX в. и предшествующим и последующим периодами: в первой половине XX в. частотность таких конструкций падает до 57% (а во второй половине XIX в. и в современный период, после 1950 г., составляет примерно три четверти). По-видимому, наблюдаемое соотношение связано с эволюцией русской художественной прозы (для которой такие ремарки прежде всего и характерны): на вторую половину XIX в. приходится эпоха русского классического романа, традиции которой как раз начинают складываться в 1840-е гг., причем у ряда авторов (конечно, прежде всего Достоевского с его полифоничными и «перебивающими» диалогами, но также, например, Мельникова-Печерского или Писемского) этот прием эксплуатируется исключительно часто (а, например, Лев Толстой пользуется им весьма осторожно)⁸. В первой половине XX в. такое оформление диалога отстывает (и, как мы видели, резко падает относительная частотность VS-клауз с *было* вообще), а во второй половине века, через голову непосредственных предшественников, вновь входит в моду; это, однако, не помогает VS-клаузам с *было* вернуть прежние частотные позиции хотя бы на уровне первой половины XIX в.

Остаток составляют предложения, коммуникативная структура которых трактуется неоднозначно. В частности, имеются предложения, которые можно интерпретировать как содержащие верификативный (контрастный) акцент на глаголе-теме:

(21) *Денег, как водится, не было, обещали – и надували; [посулил было]_{contr} [банк]_{loc}, славящийся своими презентациями и гастролями зарубежных поп-звезд, но, прикинув, отказал. Пушкин – фигура не первостепенная.*

(С.Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008))

(22) Контекст: [премьер-министр Касьянов невозмутимо отвечает в Думе на вопросы депутатов]. *Придать интригу происходящему // [попытался было]_{contr} [глава СПС Борис Немцов]_{loc}. «Все равно ключевые решения принимаются в Кремле – почему бы президенту не возглавить правительство? Многие проблемы решились бы, если премьером станет человек, которого поддерживает 70% населения».* (Андрей Литвинов. Касьянов попросил у Думы доверия. «Газета» (2003))

⁸ Напомним, что от индивидуальных авторских предпочтений зависит и частота использования частицы *было* в целом (ср. [Barentsen, 1986]).

Как известно, фокусное выделение предполагает наличие альтернатив: «Focus indicates the presence of alternatives that are relevant for the interpretation of linguistic expressions» [Krifka, 2008]. К выражению, содержащему фокус, формулируется Основной вопрос, структурирующий дискурс [Beaver, Clark, 2008], по соотношению интерпретации языкового выражения с ответом на этот Основной вопрос выделяются различные степени ассоциации языкового выражения с фокусом [Beaver, Clark, 2008, p. 44–79].

Попробуем при помощи вопроса задать альтернативный фокус в предложении с *было* (с постпозицией или с вакернагелевским порядком):

- (23) *?/*Кто попытался было (было попытался) придать интригу происходящему?*

По-видимому, такие вопросительные предложения неприемлемы (разве что как вопросы «на понимание» прочитанного с дословной цитацией текста). Пример из стихотворения А. Битова, посвященного памяти И. Бродского, по-видимому, выбора из альтернатив реально не предполагает («риторический вопрос»):

- (24) *На какой ты там, было⁹, намылился остров?
И какому писал позабытому другу?
(А. Битов. Год как нету Иосифа... (1997)),*

Что касается следующего примера:

- (25) *Так и сколько же тогда вам практически могло было быть лет?
(Евгений Попов. С чего начинается рассказ о князе Кропоткине (1970–2000)),*

то здесь речь идет о нередком в современном языке «ненормативном» *было* при модальных глаголах в прошедшем времени, которому в стандартной норме соответствует *бы* (или даже просто нуль). Оно может быть весьма древним и иметь такое же плюсквамперфектное происхождение (эта конструкция с модальными глаголами известна в русских памятниках с XVI в., активна, уже без согласования, в языке XVIII в., а также с согласованием в современном украинском и польском, см. [Сичинава, 2013, с. 222–224]), а может и независимо воспроизводиться благодаря аналогии (ср. *должно было, надо было*). Однако его семантика стоит особняком (к «нарушению нормального хода ситуации» она отношения не имеет).

⁹ В одних публикациях этого стихотворения запятые есть, в других нет.

Более естественной является ситуация, при которой частица *было* корректирует презумпцию Основного вопроса (которая уже сама содержит контраст к предыдущей ситуации):

(26) *Кто придал интригу происходящему? **Пытался было** Немцов, но [это у него не получилось].*

(27) *Кто дал денег? **Посулил было** банк, но [передумал].*

Невозможной представляется и топиализация [Циммерлинг, 2016, с. 90] глагола с частицей *было*:

(28) **Разгневался^л было император [сильно^л]_{фоc} / [на генерала^л]_{фоc}*

(29) **Зашел^л было Вася [бодро^л]_{фоc} / [не в ту комнату^л]_{фоc}*

(все реально встретившиеся предложения с таким порядком слов гораздо более естественно толкуются по контексту как содержащие дислокацию ремы).

Семантика частицы *было*, как и авертивной конструкции *чуть (было) не*, сама содержит альтернативу между инерционным развитием «макроситуации» в сторону «нормального» возможного мира и нарушением ее хода на том или ином этапе. Выбор «ненормальной» альтернативы и предполагает информационную выделенность глагола.

4. Плюсквамперфект и коммуникативная структура: типология и предыстория

Частица *было* представляет собой показатель ретроспективного сдвига плюсквамперфектного происхождения. Известно, что исследователи как показателей ретроспективного сдвига, так и собственно плюсквамперфекта часто наталкиваются на факультативность «своих» грамматических форм: казалось бы, в большинстве случаев можно опустить показатель ретроспективного сдвига или заменить плюсквамперфект простым прошедшим (об этом феномене см. [Сичинава, 2013, с. 21]).

В ряде описаний подчеркивается дискурсивная роль плюсквамперфекта и/или ретроспективного сдвига как маркера новой информации, введения в рассмотрение новой ситуации и персонажей, выдвижение ситуации на передний план (foregrounding) в дискурсе: эта функция характерна для нового аналитического плюсквамперфекта в средневековом испанском (в то время как старая синтетическая форма на *-ra* означает фоновые события [Klein-Andreu, 1991, с. 173]), плюсквамперфекта в современном итальянском и немецком [Bertinetto, 2014], в латыни [Mellet et al., 1994, p. 112], показателей ретроспективного сдвига в сантали [Neukom, 2001, p. 96] и бамана [Идиатов, 2003, с. 313; Plungian, Auwera, 2006].

Например, П.В. Петрухин на материале средневековых текстов разного происхождения: Новгородской первой летописи и испанской повести «Граф Луканор», – показывает, что плюсквамперфект маркирует предшествование в прошедшем в тех случаях, когда соответствующая клауза несет новую информацию. Если речь идет уже об известных читателю событиях, то используется перфект (в древнерусском) или простое прошедшее (в романских языках) [Петрухин, 2004а, б].

В работе [Сичинава, 2017а] отмечается, что это в целом верно и для других древнерусских оригинальных летописных памятников, где плюсквамперфект (книжная форма со вспомогательным глаголом *бѣ* или *бѣше*, не являющаяся предком современной формы с *было*) конкурирует не только с перфектом, но и с обычным нарративным аористом. Он передает, в частности, новую информацию в составе придаточных с частицами *же* и *бо* (вторая из них характерна для южных памятников и в новгородских текстах редка). Распределение это заметно нарушается в переводных памятниках (в соответствии с греческим аористом оригинала).

П.В. Петрухин отмечает, что книжная форма плюсквамперфекта употребляется в летописном языке «в тех случаях, когда нужно либо обозначить границу нового эпизода, либо переключить внимание читателя на другого персонажа, либо изменить место действия» [Петрухин, 2008, с. 231]. Здесь, как и в предложениях введения в рассмотрение в современном языке, наблюдается постпозиция подлежащего, а вспомогательный глагол занимает место между сказуемым и подлежащим (после обстоятельства в *то же время* имеется ритмико-синтаксический барьер):

- (30) *В то же время **приишелъ бѣ** Гюргевиць старѣишии
Ростиславъ, роскоторавъса съ ѿѣмъ своимъ, вже емоу ѿѣ
волости не да в Соуждалискоу земли, и приде къ Изаславоу)
Киевоу* (Киевская летопись, 1148)

‘В то же время **пришел** старший сын Юрия [Долгорукого]
Ростислав, поссорившись с отцом из-за того, что тот не дал ему
удела в Суздальской земле; он пришел в Киев к Изяславу’.

В сербохорватских текстах у плюсквамперфекта есть функция «маркирования нового топика» [Поповић, 2012, с. 135]. Эта же форма сохранена и в украинском переводе сербохорватского примера:

- (31) *Четрдесет девете на првенству Србије у валтер-категорији био
сам велики фаворит, али сам елиминисан још у предтакмичењу:
он ме **је то био пресрео**.*

- (32) *У сорок дев'ятому на чемпіонаті Сербії в середній категорії я був великим фаворитом, але був вилучений ще у відбірковому: це він мене був перестрів.*

‘В сорок девятом на чемпионате Сербии в средней категории я был большим фаворитом, но отсеялся еще на отборочных: это он мне **перешел дорогу**’.

Эмфатическое значение неожиданного действия имеется в украинском языке:

- (33) *Де вже йому до ікони, коли сюрприз такий викинув, що паски заборонив був пекти...* (М. Кулиш, 1928)

‘Где уж ему к иконе, коли сюрприз такой выкинул – куличи запретил **вдруг** печь...’ (пер. П. Зенкевича и С. Свободиной).

Акцентное выделение сочетается и со значением предшествования или результата в прошедшем. Так, в словенском языке плюсквамперфект особо выделяет результат действия в прошлом:

- (34) *Od daleč je bila prišla mati; iz vasi je prišla...* (I. Sankar)

‘Издали **пришла** мать, пришла из деревни’.

(в первом случае подчеркивается самоотверженность персонажа) [Pogorelec, 1961].

Таким образом, современная частица *было* не является типологически уникальной в этом смысле; схожие употребления есть и у ее когнатов (славянских сверхсложных форм). Вероятно, это же верно и для ее непосредственного диахронического предка. Сверхсложный плюсквамперфект (со вспомогательным *был-*) в древнерусских текстах встречается достаточно редко, тем не менее для него тоже можно выделить тип с позицией глагольной ремы, характерной для современной конструкции с *было*. Дело в том, что древнерусский сверхсложный плюсквамперфект имел значение «сдвига начальной точки» [Сичинава, 2013, с. 104 и далее], маркируя интродуктивную клаузу нарратива, в частности, введение в рассмотрение. Живым осколком этой функции является интродуктивная формула сказок *жили-были* [Петрухин, 2007], естественно, с постпозицией подлежащего:

- (35) *В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван.*
(Из свода Афанасьева).

И именно порядок VS наблюдается в берестяной грамоте XII в., содержащей не книжный нарратив, где используется эта функция – как и в книжном нарративе (30):

(36) *Оставили ма были людье, да остатъ дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти прочее* (новгородская берестяная грамота № 724, XII в.).

‘Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь’.

«Сдвиг начальной точки» можно усматривать в интродуктивной части еще трех новгородских берестяных грамот, хотя каждый раз гипотетически, потому что все они фрагментарны. В одной из них прономинальное подлежащее выражено только вспомогательным глаголом:

(37) *рекль кси былъ во своємь сельъ верши всъ добры* (новгородская берестяная грамота № 195, XIV в.)

‘ты говорил, что в твоём селе хлеб весь хорош’¹⁰.

В двух других имеется порядок SV. Однако в обоих случаях это можно объяснить тем, что подлежащее соответствующих клауз уже введено в рассмотрение. В грамоте № 300 это сделано в адресной формуле, причем с обоими субъектами ситуации, описанной плюсквамперфектом:

(38) *(Челобит)иѣ гну Михаи(ду Ю)рѣвицию ѿ Тероха и ѿ Тимошкѣ. И Терохъ возилесь быле в —имовъ хоромъ, а (Ти)мошка въ Тероховъ...* (новгородская берестяная грамота № 300, XV в.)

‘Челобитье господину Михаилу Юрьевичу от Тереха и от Тимошки. Терех въезжал (переезжал) в ...имов дом, а Тимошка в Терехов...’

В грамоте № 4 (XIV в.), которой мы посвятили особую работу [Сичинава, 2017б], первое упоминание субъекта главной клаузы с большой вероятностью реконструируется на месте лакуны в составе клаузы зависимой:

(39) *цто ксѣмь (за Юрга са по)руцилъ оу Петра на Городищѣ, н(ынѣ ма) Юрги былъ выдать...* (новгородская берестяная грамота № 4, XIV в.).

‘Насчет того, что [= В том деле, в котором] я ручал(ся за Юрия) перед Петром на Городище, Юрий [не выполнил обязательств и] (теперь меня) подвел...’

¹⁰ Вдобавок (что уже прямо не касается нашего сюжета) здесь нет никакой уверенности, что перед нами начало именно нарратива; плюсквамперфект может просто означать, что первоначальная информация, сообщенная автору адресатом, оказалась противоречащей каким-то новым сведениям (с продолжением типа «а ныне твой староста доносит, что все град побил»).

Специально отметим, что эта реконструкция была предложена независимо от проблематики, которой посвящена настоящая статья, так что в этом объяснении нет порочного круга.

5. Выводы и перспективы

Линейный порядок частицы *было* и членов предложения во фразе с частицей *было* определяется рядом факторов, среди которых и информационная структура. Частица *было* представляет собой маркер фокуса или верификативного (контрастивного) акцента, это связано с альтернативой между инерционным, презумптивным и реальным, «ненормальным» сценарием развития событий, заложенной в ее семантике. Схожее свойство типологически известно для плюсквамперфектов и родственных показателей в других языках мира; вероятно, его можно проследить и в истории нашей конструкции еще на древнерусском этапе.

Перспективным является анализ в данном контексте также частицы *бывало*, маркирующей хабитуальность в прошедшем (при глаголах всех трех времен) и демонстрирующей ряд сходжений с историей и семантикой частицы *было*. По-видимому, она свободнее сочетается с глаголом-темой:

(40а) *Это у нас раньше все бартером платили бывало, то блюдами дадут, то чашками, и делай с ними потом что хочешь.*
(Андрей Волос. Недвижимость (2000));

ср. более странное:

(40б) *?то блюдами дали было, то чашками, а потом отобрали и их.*

Частица *бывало* также не сочетается с вопросом к подлежащему: **Кто ходил бывало?* Ср. во многом синонимичные конструкции с *бывало* формы т.н. «многократного способа действия» типа *хаживать*, которые в экспериенциальном значении допускают подстановку в такой вопрос:

(41) *Кто хаживал на Эверест / к блаженной Ксении?*
(примеры из Google).

Библиографический список / References

- Зализняк, 2008 – Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008. [Zalizniak A.A. Drevnerusskie enklitiki [Old Russian enclitics]. Moscow, 2008.]
Идиатов, 2003 – Идиатов Д.И. Семантика видо-временных показателей в языке бамана // Основы африканского языкознания. Т. 3. Глагол / Под ред. В.А. Виноградова, И.Н. Топоровой. М., 2003. С. 622–646. [Idiatov D.I.

Semantics of TAM markers in Bamana. *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija. Glagol*. V.A. Vinogradov, I.N. Toporova (eds.). Moscow, 2003. Pp. 622–646.]

Князев, 2004/2007 – Князев Ю.П. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296–304. (включено в расширенном виде в кн.: Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.) [Knyazev Yu.P. Form and meaning of the constructions with the participle *bylo* in Russian. *Sokrovennyye smysly. Slovo, tekst, kul'tura. Sbornik statei v chest' N.D. Arutyunovoi*. Moscow, 2004. Pp. 296–304; enlarged version included: Knyazev Yu.P. Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective [Grammar semantics: Russian language in a typological context]. Moscow, 2007.]

Козлов, 2015 – Козлов А.А. О механизме грамматикализации конструкции *чуть (было) не +* // Материалы семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании». МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015. [Kozlov A.A. On the mechanism of grammaticalizing *the chut' bylo ne* construction. Talk presented at the seminar “Some applications of mathematical methods in linguistics”. Lomonosov Moscow State University, 2015.]

Падучева, 2016 – Падучева Е.В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова. М., 2016. С. 25–75. [Paducheva E.V. Communication structure and linear-accent transformations. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh. Sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*. A.V. Zimmerling, E.A. Lyutikova (eds.). Moscow, 2016. Pp. 25–75.]

Петрухин, 2004а – Петрухин П.В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку [Petrukhin P.V. Perfect and Pluperfect in the Synodal copy of the Novgorod First Chronicle]. *Russian Linguistics*. Vol. 28. 2004. Pp. 73–107.]

Петрухин, 2004б – Петрухин П.В. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 313–329. [Petrukhin P.V. On Perfect expansion in the Old East Slavic Chronicles as a typological issue. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vol. 3. *Irrealis i irreal'nost'*. Moscow, 2004. Pp. 313–329.]

Плунгян, 2001 – Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Грамматические категории. М., 2001. С. 50–88. [Plungian V.A. Antiresultative: before and after result. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vol. 1. Grammaticheskie kategorii. Moscow, 2001. Pp. 50–88.]

Попова-Боттино, 2009 – Попова-Боттино Т.Л. Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 72–86 [Popova-Bottineau T.L. Position of the particle *bylo* from the viewpoint of information structure. *Voprosy yazykoznanija*. 2009. № 4. Pp. 72–86.]

Поповић, 2012 – Поповић Љ. Функције плусквамперфекта у савременом српском и украинском језику // Јужнословенски филолог. 2012. LXVIII. С. 113–145. [Popović Lj. Functions of Pluperfect in Modern Serbian and Ukrainian. *Južnoslovenski filolog*. 2012. LXVIII. Pp. 113–145.]

Путеводитель, 1993 – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Баранов А.Н., Плуныян В.А., Рахилина Е.В., Кодзасов С.В. М., 1993. [Baranov A.N., Plungian V.A., Rakhilina E.V., Kodzasov S.V. A Guide to Russian discourse markers. Moscow, 1993.]

Сичинава, 2009 – Сичинава Д.В. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // Корпусные исследования по русской грамматике / Ред.-сост. К.Л. Киселева, В.А. Плуныян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. М., 2009. С. 362–396 (включено в расширенном виде в Сичинава, 2013). [Sitchinava D.V. To cut it short: the Russian construction with *bylo* according to corpora data. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. М., 2009. Pp. 362–396. An expanded version included into Сичинава 2013, see below.]

Сичинава, 2013 – Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013 [Sitchinava D.V. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt. [A typology of pluperfect. Pluperfect in Slavic]. Moscow, 2013.]

Сичинава, 2017а – Сичинава Д.В. Аналитические временные формы с участием перфекта в конкуренции с другими временами в древнерусских текстах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). 2017. С. 129–130. [Sitchinava D.V. Periphrastic tense forms featuring Perfect as competitors of other tenses in Old East Slavic texts. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. № 3 (69). 2017. Pp. 129–130.]

Сичинава, 2017б – Сичинава Д.В. Письмо к Чёрту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 219–228. [Sitchinava D.V. The letter to Devil: a little-known instance of the Old Russian Pluperfect. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017. № 2 (34). Pp. 219–228.]

Тер-Аванесова 2016 – Тер-Аванесова А.В. Формы, восходящие к плюсквамперфекту, в муромских говорах. Рукопись. [Ter-Avanesova A.V. Formy, voskhodyashchie k plyuskvamperfektu, v muromskikh govorakh [Forms stemming to Pluperfect in Murom dialects]. Ms.]

Храковский, 2015 – Храковский В.С. Плюсквамперфект и конструкция с частицей *было* в восточнославянских языках // Ватрослав Ягич і проблеми слов'язнознавства: Збірник наукових праць. Київ, 2015. С. 287–298. [Khrakovky V.S. Pluperfect and the *bylo* construction in East Slavic. *Vatroslav Jahych i problemy slov'язnoznavstva. Zbirnyk naukovykh prats'*. Kyiv, 2015. Pp. 287–298.]

Циммерлинг, 2013 – Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013. [Zimmerling A.V. Sistemy poriyadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskome aspekte. [Slavic word order systems in typological context]. Moscow, 2013.]

Циммерлинг, 2016 – Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчленимые предложения // Архитектура клаузы в параметрических моделях. М., 2016. С. 76–103. [Zimmerling A.V. Linear-accent grammar andthetic sentences in Russian. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh*. Moscow, 2016. Pp. 76–103.]

Шевелева, 2007 – Шевелева М.Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252. [Sheveleva M.N. “Russian pluperfect” in Old East Slavic manuscripts and in modern dialects. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. № 2 (14). Pp. 214–252.]

Шошитайшвили, 1998 – Шошитайшвили И.А. Русское «было»: пути грамматикализации // Русистика сегодня. 1998. № 3/4. С. 59–78. [Shoshitayshvili I.A. Russian *bylo*: grammaticalization paths. *Rusistika segondya*. 1998. № 3/4. Pp. 59–78.]

Barentsen, 1986 – Barentsen A.A. The use of the particle БЫЛО in modern Russian. *Dutch studies in Russian linguistics*. Vol. 8. 1986. Pp. 1–68.

Beaver, Clark, 2008 – Beaver D., Clark B. Sense and sensitivity: How focus determines meaning. Hobocan, 2008.

Bertinetto, 2014 – Bertinetto P.M. Non-conventional uses of the Pluperfect in the Italian (and German) literary prose. *Evolution in Romance Verbal Systems*. Bern, 2014. Pp. 145–170.

Iordanskaja, Mel'čuk, 1981 – Iordanskaja L., Mel'čuk I. On a class of Russian verbs that can introduce direct speech: lexical polysemy or semantic syntax? *Slavic Verb*. Copenhagen, 1981. Pp. 51–66.

Kagan, 2011 – Kagan O. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian. *Linguistics and Philosophy*. 2011. Vol. 34. Pp. 57–84.

Klein-Andreu, 1991 – Klein-Andreu F. Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of *-ra* in Spanish. *Discourse-Pragmatics and the Verb: The evidence from Romance*. L., 1991. Pp. 164–178.

Krifka, 2008 – Krifka M. Basic Notions of Information Structure. *Acta Linguistica Hungarica*. 2008. Vol. 55 (3–4). Pp. 243–276.

Mellet et al., 1994 – Mellet S., Joffre M.D., Serbat G. Grammaire fondamentale du latin: le signifié du verbe. Louvain, 1994.

Neukom, 2001 – Neukom L. Santali. München, 2001.

Plungian, Auwera, 2006 – Plungian V.A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung – Language typology and universals*. Vol. 59. № 4. Pp. 317–349.

Pogorelec, 1961 – Pogorelec B. O pluskvamperfektu v knjižni slovenščini. *Jezik in slovstvo*. 1961. Letnik 6. Številka 5. Pp. 152–160.

Статья поступила в редакцию 15.08.2017

The article was received on 15.08.2017

Сичинава Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва; старший научный сотрудник Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Sitchinava Dmitri V. – PhD in Linguistics; senior researcher at the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; senior researcher at the Institute of Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University

E-mail: mitrius@gmail.com

М.А. Ермакова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Проблема составления лингвокультурологического минимума для иностранных учащихся: экспериментальные возможности

Предлагается классификация включаемых в лингвокультурологический минимум когнем – лексических единиц с ярко выраженным фоновым компонентом, обладающих способностью аккумулировать знания, – на основании их лингводидактической значимости, т.е. способности становиться единицей обучения в иностранной аудитории, которая складывается из их когнитивной и коммуникативной значимости для национальной языковой картины мира русских. Описываются критерии и экспериментальные способы выделения единиц лингвокультурологического минимума, которые апробируются на материале русских народных сказок из сборника А.Н. Афанасьева – прецедентных текстах особого типа. В качестве анализируемых единиц выступает один из типов специфических отсылок к этим прецедентным текстам – онимы сказок, выполняющие в речи символическую, экспрессивную, оценочную функции. Описываются этапы проведения среди носителей русского языка опроса и ассоциативного эксперимента, направленных на выявление когнитивно и коммуникативно значимых онимов русских народных сказок. Приводятся примеры коммуникативных заданий, основанных на функционировании онимов в устной и письменной речи, для инофонов 3–4 сертификационного уровня владения русским языком. Результаты проведенных экспериментов представлены в виде списка когнем, которые могут быть включены в лингвокультурологический минимум для продвинутого этапа обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: билингвальная личность, лингвокультурологическая компетенция, лингвокультурологический минимум, лингводидактическая значимость, прецедентный текст.

M.A. Ermakova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Experimental potential of identification of communicatively significant units in Russian fairy tales

The article researches the problem of compilation of linguacultural minimum (LcM) for foreign students-philologists with an advanced level of Russian as a foreign language. The classification of cognitive units (lexical units including background component of meaning) included in LcM on the basis of their relevance in language teaching, i.e. their ability to become units of learning, which consists of their cognitive and communicative relevance to the Russian national linguistic worldview. The criteria and experimental methods of selection of communicatively relevant units in Russian fairy tales based on their relevance to teaching are introduced and tested on the material of Russian fairy tales as a special type of precedent texts. The analysis is based on one specific type of reference to these precedent texts – Russian fairy tales onyms, which are performing symbolic, expressive, and estimative functions. The article describes the phases of the survey on the common Russian fairy tale onyms among Russian native speakers, with the aim to assess cognitive and communicative relevance of these units. Some examples of tasks based on such onyms' functioning in spoken and written languages are presented in the article. The results of the surveys are summarized in the list of cognitive units which should be included in LcM on the advanced level of study of Russian as a foreign language.

Key words: linguocultural competence, linguocultural minimum, bilingual personality, linguamethodical relevance, precedent text.

Одной из стратегических задач в обучении иностранному языку является формирование билингвальной личности [Потемкина, Ружицкий 2013], что предполагает, среди прочего, и развитие коммуникативной компетенции (КК). Существуют различные определения этого термина, однако все они сходятся в том, что неотъемлемой частью развития КК является работа над лингвокультурологическим материалом и формирование соответствующей компетенции – лингвокультурологической [Воробьев, 2006], или, иначе, культурной, лингвокультурной, культурно-языковой. В.В. Воробьев определяет лингвокультурологическую

компетенцию (ЛКК) как «знания идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [Воробьев, 2006, с. 73]. Развитие ЛКК предполагает формирование у учащегося национальной языковой картины мира [Корнилов, 2003], включающей в себя реалии прошедших эпох, элементы мифологии, культурные феномены, фольклор и т.п.

Важно отметить, что в методике обучения русскому языку как иностранному (РКИ) существующие стандарты предусматривают опору на минимумы, а уровень владения языком оценивается по результатам прохождения тестирования по РКИ. Однако ни стандарты, ни тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) на данный момент не имеют четко определенной базы лингвокультурологических знаний, которыми должен обладать учащийся, притом что, как отмечалось выше, развитие ЛКК является одной из важных задач при формировании билингвальной личности учащихся.

Сказанное обуславливает необходимость составления лингвокультурологического минимума, о чем пишет Т.В. Кортава [Кортава, 2000], а затем – А. Мустайоки [Мустайоки, 2007]. Современные подходы к составлению такого минимума рассматриваются в докладе Л.А. Дунаевой и М. Руис-Соррилья Крусате «Лингвокультурологический минимум для инофонов: практика создания и использования в России и за рубежом» [Дунаева, Руис-Соррилья Крусате, 2016]. Авторы отмечают достоинства и недостатки существующих способов выделения единиц лингвокультурологического минимума (исчисление смыслов, экспертный подход, синтез энциклопедического и тематического принципов) и особо выделяют способ, основанный на анализе репрезентативных корпусов аутентичных текстов для выявления частотности и тематической принадлежности единиц, включаемых в минимум.

Современная лингводидактика оперирует следующими терминами: «лингвострановедческий» [Оберемко, 2010], «лингвокультурологический» [Дунаева, Руис-Соррилья Крусате, 2016], «лингвокультурологический минимум» [Кортава, 2000]. Можно также предложить термин «лингвокогнитивный минимум», отражающий взаимосвязь единиц трех уровней языковой личности – семантем, когнем и прагмем [Караулов, 2010]. В данной работе будет использоваться термин «лингвокультурологический минимум» (ЛКМ). Единицами ЛКМ являются когнемы, обладающие лингводидактической значимостью, т.е. способностью становиться единицей обучения в иноязычной аудитории. Лингводидактическая значимость когнем русской языковой картины мира складывается из их когнитивной и коммуникативной значимости. В статье на примере

когнем русских народных сказок (а именно онимов) рассматриваются критерии и алгоритм определения лингводидактической значимости единиц ЛКМ, а также условия их вхождения в минимум.

Русские народные сказки были выбраны в качестве материала для исследования неслучайно. В сказках отражаются важные для национальной языковой картины мира народа символы и концепты, что делает эти тексты уникальным лингвострановедческим материалом. Сказка является метафорой, с актуализирующимися вокруг метафоры другими стилистическими средствами, которые и создают концептуальную, образную, сказочную картину мира [Самосудова, 1999]. Тем не менее, в большинстве современных пособий по работе над сказкой в иностранной аудитории внимание уделяется в основном языковому материалу: например, на основе текстов сказок изучаются грамматика и лексика, которые затем выводятся в реальную коммуникацию, а также отрабатываются навыки чтения [Новикова, Щербакова, 2007; Дронов, Ремизова, 2007; Чубарова, 2009]. Когнемы русских народных сказок как лингводидактический материал должны быть включены в ЛКМ на основании их когнитивной и коммуникативной значимости.

С точки зрения когнитивной лингвистики русские сказки могут быть рассмотрены как один из типов прецедентных текстов (ПТ) [Караулов, 2010]. Ю.Н. Караулов выделяет следующие критерии прецедентности: значимость «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях», «сверхличностный характер» ПТ и неоднократное обращение к ПТ «в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010, с. 216]. В рамках нашего исследования эти критерии в целом соответствуют понятию когнитивной значимости, которой могут обладать не только первоисточники (ПТ), но и отсылки к ним.

В русских народных сказках можно выделить следующие когнемы, выполняющие функции отсылки к ПТ:

- названия сказок и крылатые фразы, фразеологизмы: *вершки и корешки, битый небитого везет* и т.п.;
- онимы (имена персонажей сказок – людей, животных, волшебных и мифических существ), часто обобщенные, отсылающие к нескольким текстам (*Василиса Премудрая, Баба-Яга*), хотя встречаются и уникальные онимы, которые чаще всего как отсылки к ПТ не функционируют (*Марья Моревна, Иван Быкович*) и др.;
- топонимы – названия реальных и вымышленных объектов, любые места действия в сказке (*избушка Бабы-Яги*), редко выступающие в качестве отсылки, за исключением топонимов, ставших частью устойчивых сказочных формул (*тридцатое/тридцатье царство*);

- устойчивые сказочные формулы – лексические повторы, придающие сказке каноничность формы, цельность, стилистическую законченность (зачины, заклинательные формулы, призыв помощника, магические действия персонажа, повторяющиеся фразы и действия персонажей, концовки): *скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается; за тридцать земель, в тридесятом царстве* и проч.;
- атрибуты – предметы, наделенные особыми свойствами и особым значением (*живая вода, шапка-невидимка, меч-кладенец*); атрибуты могут функционировать также в невербализованном виде: например, визуальные, звуковые образы (см. далее);
- слова-символы; по мнению М.В. Никитина, символ – это «сущность, изъятая из ее природных и концептуальных связей и превращенная в знак этих связей, в знак того, с чем она ассоциативно связана» [Никитин, 1996, с. 194]; вербализованными символами в сказках могут являться, например, *яблоко* (символ бессмертия и вечной молодости), *яйцо* (символ мироздания), *жар-птица* (символ воскрешения) и т.п.; символами могут становиться атрибуты, топонимы, некоторые онимы и т.п.;
- фреймы – «структуры данных для представления стереотипных ситуаций» [Минский, 1979], включающие в себя совокупность действий, принципиально важных для развития сюжета в русских народных сказках [Пропп, 1998]: победа над антагонистом, получение артефакта и т.д.; к этим фреймам могут отсылать атрибуты (например, *меч-кладенец* необходим для победы над антагонистом), имена антагонистов (*Кощей Бессмертный, Змей Горыныч*), визуальные, звуковые, двигательные образы и ассоциации и проч.;
- слова-концепты, связанные с элементами сказок (*добро, дом, путь* и др.);
- визуальные, звуковые образы (кокошник Василисы Прекрасной в м/ф «Царевна-лягушка», шапка Ивана-царевича на картинах В.М. Васнецова, голос Г. Миллара и т.п.).

При составлении лингвокультурологического минимума все типы когнем должны проходить отбор на основании их лингводидактической значимости, для определения которой предлагается следующий алгоритм:

1) составление перечня когнем из выбранного источника (в данном случае – когнем русских народных сказок);

2) проверка когнитивной значимости данных единиц и их источника.

Представленные выше способы верификации прецедентности текстов русских сказок могут быть применены при определении когнитивной значимости когнем, т.к. когнитивная значимость является одним из обязательных условий прецедентности.

Степень когнитивной значимости сказок и их элементов может быть верифицирована следующими способами:

1) экспертный подход, при котором группа преподавателей РКИ, ориентируясь на собственное языковое чутье и педагогический опыт, отбирает наиболее значимые когнемы русских народных сказок и подтверждает их актуальность для РКИ аутентичными контекстами;

2) анализ современных произведений искусства, текстов СМИ и рекламы для выявления наиболее частотных и реинтерпретируемых текстов (способных, по Ю.Н. Караулову, «перешагивать рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаться в других видах искусств, ... становясь ... фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых поколений») [Караулов, 2010, с. 217];

3) проведение опроса и ассоциативного эксперимента в группах носителей русского языка разных возрастных групп;

4) проверка связи когнем народных сказок с концептами русской культуры по материалам ассоциативных, лингвострановедческих словарей, словарей концептов и др.

В данной статье внимание уделяется, в частности, экспериментальным возможностям определения когнитивной и коммуникативной значимости онимов русских народных сказок.

1. Проверка коммуникативной значимости исследуемых когнем, которую характеризуют:

а) зависимость от когнитивной значимости единицы; неактуальные когнемы переходят в область фоновых знаний, становятся «ретушью» [Караулов, Филиппович, 2009], редко используются в речи и обладают низкой коммуникативной значимостью;

б) мотивация к употреблению конкретной единицы в тексте – придание «сказочности» речевой ситуации, что заметно при использовании онима сказок вместо близкого к нему онима из другого источника, например: *Надя – настоящая красавица, просто Василиса Прекрасная / Мэрилин Монро* (интернет-форум);

в) частота употребления единицы и ее трансформаций в современных письменных и устных текстах, узнаваемость оригинальной когнемы в измененном виде, количество и разнообразие данных трансформаций; типы трансформаций фразеологизмов, выделенные Н.М. Шанским [Шанский, 1985], могут быть отнесены и к единицам русских сказок; так, когнемы сказок могут быть подвержены следующим типам трансформаций: изменение лексического состава при сохранении общего смысла (*Смерть Кощея на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в тамбовской перепелке, деньги вперед*); изменение значения при сохранении лексического состава (оним *Кощей Бессмертный* связан с концептами

ЗЛО, СМЕРТЬ, но в современном употреблении означает очень худого и высокого человека: *После родов похудела как кощей*; изменения лексического состава и значения (*царевна Смеяна*) и др.; трансформации когнем не только свидетельствуют об их высокой коммуникативной ценности, но и являются одним из видов языковой игры, а значит, могут использоваться в качестве материала при обучении РКИ, поскольку именно способность осуществлять языковую игру на изучаемом языке является одним из показателей сформированности у учащегося КК;

г) стилевое разнообразие текстов, содержащих когнемы русских сказок и их трансформации, что обусловлено требованиями к сформированности у инофонов умения воспринимать и порождать тексты разных функциональных стилей; в связи с этим «ядро» лингвокогнитивного минимума должны составить когнемы, принадлежащие к наиболее актуальным для учащихся стилям речи и сферам общения.

2. Выделение единиц, которые будут введены в активную часть ЛКМ. Когнемы, включаемые в минимум, должны обладать лингводидактической значимостью, т.е. характеризоваться:

- а) когнитивной значимостью;
- б) высокой (относительно других когнем той же группы) частотностью в устных и письменных текстах;
- в) реинтерпретируемостью;
- г) наличием прямых ассоциативных связей с другими когнитивно и коммуникативно значимыми элементами;
- д) способностью выполнять функцию символа культуры;
- е) возможностью трансформаций, употребляемых в устной и письменной речи в различных стилях.

Проведенный нами эксперимент с целью определения лингводидактической значимости когнем русских народных сказок основывается на предлагаемом алгоритме и состоит из нескольких этапов. Всего в экспериментальном исследовании приняли участие 152 носителя русского языка, из которых 5% составили школьники, 58,2% – люди 18–25 лет, 25,3% – до 50 лет, 11,5% – старше 50; более 50% опрошенных имеют полное высшее образование; 22% опрошенных заняты в сфере образования и науки, 17% – представители технических профессий, 16% – естественнонаучных специальностей, 14% – деятели искусства, 13% – медицинские работники, 10% – офисные работники, 6% – школьники, 3% – госслужащие; 65% женщин и 35% мужчин. Экспериментальная часть исследования проводилась в устной форме и письменно при помощи интернет-ресурса «Google Формы».

Эксперимент состоял из трех этапов.

1. Подготовительный этап.

При подготовке к экспериментальной части исследования были выбраны наиболее известные сборники русских народных сказок, на основании текстов которых составлен список онимов в количестве 98 единиц. Далее когнитивная значимость данных единиц была проверена следующими способами:

а) определение их когнитивной значимости с помощью анализа частотности употребления целой единицы и ее частей, зафиксированного в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ), например: *скоро сказка сказывается; игла в яйце*;

б) обращение к реинтерпретациям произведений (фильмы, картины по мотивам сказок и пр.);

в) сопоставление с материалом ассоциативных словарей.

2. Опрос респондентов с целью определения когнитивной значимости когнем и текстов русских народных сказок.

Для экспериментального выявления когнитивной значимости выделенных нами онимов русских сказок и их источников, т.е. самих ПТ – русских народных сказок, респондентам был предложен ряд вопросов: «Вспомните и назовите 15 русских народных сказок», «Назовите имена 20 героев русских народных сказок», «Назовите не менее 10 устойчивых сказочных формул (например, “жили-были...”»», «Вспомните 10 мест действия в русских народных сказках», «Назовите как можно больше экранизаций русских народных сказок, которые вы смотрели».

По итогам экспериментальной проверки когнитивной значимости русских сказок наибольшую концентрацию значимых для русской национальной языковой картины мира когнем показали тексты из сборника А.Н. Афанасьева [Афанасьев, 1957], куда вошли русские, белорусские и украинские сказки. Сборник получил высокую оценку в научных кругах (так, Б.А. Успенский пишет: «В мировой сказочной литературе, вышедшей в свет после сборника братьев Гримм, не было ни одного такого монументального собрания сказок, как афанасьевское» [Успенский, 1994, с. 129]). Не все сказки из сборника А.Н. Афанасьева одинаково хорошо знакомы носителям русской культуры, поэтому для выявления текстов, характеризующихся наибольшей когнитивной значимостью, важнейшими показателями являются широкая известность среди носителей языка (и, следовательно, хрестоматийность), а также способность элементов этих сказок к получению реинтерпретаций (выявлено по материалам НКРЯ), например: *У нее был рассеянный вид, как будто мысли – где-то за тридевять земель* (Белоусова.

Второй выстрел); *Пока только вершки – «корешки» еще впереди.* <...> *последние реформы – лишь начало* (Ряжский, Хайруллин. Пока только вершки – «корешки» еще впереди); LadyMad: *В чем именно Вы виноваты? У Вас получается «битый небитого везет»* (форум); **Пронзить копьем перепончатую крылатую гадину. Спасти царевну у врат. Вместо белого коня под драгоценным седлом – поношенная машина...** (Проханов. Господин Гексоген) и проч.

Для дальнейшего проведения эксперимента на материале онимов русских народных сказок была составлена следующая статистика упоминания данных когнем респондентами.

Имена людей: *Иван-царевич* (95), *Машенька, Маша* (72), *Василиса Премудрая / Прекрасная* (64), *дед, бабка* (58), *Иван-дурак* (50), *царь* (34), *Марья-искусница* (25), *Емеля* (24), *сестрица Аленушка, братец Иванушка* (24), *царевна Несмеяна* (24), *Елена Премудрая / Прекрасная* (22), *Мартышка* (22), *Марья Моревна* (19), *внучка* (18), *Иван Быкович* (18), *мужик* (18), *крошечка Хаврошечка* (17), *солдат* (16), *Настенька, Настя* (15), *Терешечка* (14), *Иван – крестьянский сын* (11), *Марфа-царевна* (3), *Семен, Симеон* (3), *Козьма Скоробогатый* (2).

Персонажи с магическими способностями, мифические и выдуманные существа: *Колобок* (126), *Баба-Яга / Баба Яга / Бабка-Ёжка* (117), *Морозко* (104), *Царевна-лягушка* (94), *Кощей / Кащей Бессмертный* (58), *Змей Горыныч* (48), *Финист Ясный сокол* (41), *Чудо-Юдо* (24), *Лихо Одноглазое* (17), *Морской царь* (14), *черт* (12).

Животные и растения: *лиса* (123), *гуси-лебеди* (93), *репка* (83), *курочка Ряба* (74), *волк* (73), *серый волк* (72), *кот / кошка* (69), *медведь* (58), *заяц* (57), *Сивко-бурко / Сивка-бурка* (25), *коза* (23), *петух* (22), *мышка* (21), *Жучка* (18).

Полученный список отражает когнитивную значимость данных единиц для современных носителей русской культуры. На его основе и материалах НКРЯ были составлены вопросы для следующего этапа эксперимента.

3. Опрос респондентов с целью определения коммуникативной значимости когнем русских народных сказок.

Данный этап эксперимента был разделен на несколько шагов, на каждом из которых ставились определенные цели.

Целью первого шага эксперимента было определить ключевые характеристики персонажей, имена которых оказались наиболее частотными по итогам предыдущего шага эксперимента. Для этого респонденты были разделены на две группы, одной из которых был предложен список наиболее частотных онимов русских сказок, а другой – ряд визуальных образов тех же персонажей. Задачей обеих групп было дать

персонажам краткую характеристику (3–4 эпитета). При сопоставлении результатов выяснилось, что изображения героев могут влиять на восприятие респондентов: так, первая группа охарактеризовала *Бабу-Ягу* как неприятную, хитрую (коварную), злую старуху, людоедку, а вторая, которой был предложен кадр из м/ф «Летучий корабль», описывали ее старой, но «еще ого-го», «активной», «веселой», «зажигалочкой на корпоративе» и т.п. Мы не включали в результаты опроса индивидуальные ассоциации респондентов (так, *Иванушка-дурачок* был описан одним из участников опроса как «везучий аутист»). Были выявлены следующие характеристики героев сказок:

- Колобок – *круглый, полный, наивный, глупый, изворотливый*;
- Баба-Яга – *злая, хитрая, ест детей, страшная*;
- Иван-царевич – *храбрый, находчивый, везучий, благородный*;
- Василиса Прекрасная / Премудрая – *красивая, умная, мудрая, хитрая*;
- Кощей Бессмертный – *коварный, злой, скупой, костлявый, худой*;
- Иван-дурак – *везучий, простой, наивный, добрый*;
- Змей Горыныч (оним) – *большой, могучий, грозный, гневливый, злой*;
- Змей Горыныч (кадр из м/ф «Алеша Попович и Тугарин Змей») – *большой, толстый, дружелюбный, добрый, ленивый*;
- Царевна Несмеяна – *плаксивая, капризная, вредная*;
- Емеля – *ленивый, находчивый, хитрый, везучий*;
- Лиса – *хитрая, наглая, льстивая*;
- Волк – *глупый, жадный, злой*;
- Медведь – *большой, ленивый, неуклюжий, глупый*;
- Заяц – *хитрый, шустрый, ловкий, маленький, трусливый*.

Второй шаг эксперимента по определению коммуникативной значимости онимов русских народных сказок основан на некоторых функциях, которые данные когнемы выполняют в качестве отсылок к ПТ – русским сказкам.

1. Создание обобщенного образа (за счет отсылки к целому комплексу ПТ), сближение онима-отсылки с символами и эталонами культуры – идеальными мерами какого-либо качества. Такие онимы будут выполнять функцию символизации, например, *Кощей Бессмертный* – символ:

а) худобы: *Они – самые дохлые в классе – Куня последний, а Кощей предпоследний...* (Козлов. Гопники);

б) жадности: *Что-то его ждет дома... где кощей-бессмертная старушка над «попугайчиками» чахнет* (Измайлов. Трюкач);

в) злобы и злокозненности: *Молодые журналисты ... выживут (очень надеюсь), даже если главным редактором будет Кощей Бессмертный* (Щекочихин. Незамеченные новости недели, которые меня удивили) и т.п.

2. Выражение экспрессии, оценки. Так, *Баба-Яга* используется для негативной оценки: *Любовь Захарова всегда боролась за любовь, но муж-гуляка ... за глаза называл Бабой Ягой* (Модный приговор 26.06.2014); *Василиса Прекрасная* – для оценки красоты женщины, в первую очередь душевной: *Я смотрел на Клавушку ... и, покоряясь светлой красоте, думал – вот вам без грима Василиса Прекрасная!* (Кинорама // Советский экран) и т.п.

Таким образом, второй шаг экспериментального исследования ставит целью проверить возможности использования онимов сказок, а также их трансформаций в повседневной речи.

Для этого по полученным ранее результатам и итогам анализа текстов СМИ был составлен корпус высказываний, в которых описательную характеристику героя респондентам предлагалось заменить онимом русских народных сказок. Например: *Никита трясется над своей коллекцией марок, никому не дает ее посмотреть.* – *Никита трясется над своей коллекцией марок, как Кощей Бессмертный (над золотом)*; *Алена сегодня очень мрачная, ничто не может ее развеселить.* – *Алена сегодня какая-то царевна Несмеяна* и т.п. Задания такого типа, помимо возможностей для исследования, имеют также методический потенциал и могут быть использованы в преподавании русского языка иностранцам.

Последним шагом эксперимента является создание корпуса трансформаций онимов русских народных сказок, которое планируется проводить в два этапа:

1) анкетирование носителей русского языка для определения узнаваемости трансформированных когнем; цель анкетирования – выявить, какие из трансформаций узнаются с легкостью, а какие утратили свою актуальность и стали частью культурного фона эпохи;

2) представление респондентам контекстов с трансформациями онимов и заданием «Коротко опишите героя, названного В чем его отличие от исходного персонажа?» Например: *царевна Смеяна; Кощей Небесмертный; Жила-была Василиса Премудрая, вышла замуж за Ивана-дурака... и стала Василиса Дурак* и т.п.

По итогам эксперимента был составлен конечный список релевантных характеристик персонажей, которые далее могут быть включены в комплекс заданий, направленных на формирование у иностранных учащихся лингвокультурологической и коммуникативной компетенций.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены такие проблемы современной теории и методики преподавания РКИ, как недостаточная структурированность лингвокультурологического материала, отсутствие четко определенной базы (минимума) изучаемых единиц и несоотнесенность требований к сформированности ЛКК с имеющимися

на данный момент лингвокультурологическими материалами. Решением этой проблемы может стать составление лингвокультурологического минимума для каждого этапа обучения РКИ. В данной статье предлагаются критерии выделения единиц для такого минимума, вводится термин «лингводидактическая значимость» когнем, а также рассматривается процедура определения этой значимости на примере онимов русских народных сказок.

В ходе апробации предлагаемой процедуры было проведено экспериментальное исследование с целью определения лингводидактической значимости онимов русских народных сказок. По итогам эксперимента составлен следующий список когнем, которые рекомендуется включить в лингвокультурологический минимум на продвинутом этапе обучения: *Колобок, Лиса (Патрикеевна), Баба-Яга, Иван-царевич, Царевна-лягушка, Курочка Ряба, Василиса Премудрая / Прекрасная, Кощей (Кашей) Бессмертный, Иван-дурак, Змей Горыныч, Чудо-Юдо, Лихо (одноглазое), Царевна Несмеяна*. Важной задачей при дальнейшем исследовании проблемы составления ЛКМ является разработка способов выявления лингводидактически значимых когнем русской национальной языковой картины мира. Кроме того, необходима разработка системы заданий, направленных на выведение когнем ЛКМ в реальную коммуникацию.

Библиографический список / References

Афанасьев, 1957 – Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М., 1957. [Afanasyev A.N. Narodnye russkie skazki [Russian fairy tales]. Vol. 1–3. Moscow, 1985.]

Воробьев, 2006 – Воробьев В.В. Лингвокультурология. М., 2006. [Voro-byov V.V. Lingvokulturologiya [Cultural linguistics]. Moscow, 2006.]

Дронов, Ремизова, 2007 – Дронов В.В., Ремизова С.Ю. Мамины сказки: Добуквенное обучение детей русскому языку. Русский язык для детей соотечественников, проживающих за рубежом. 3-е изд. М., 2007. [Dronov V.V., Remizova S.Yu. Maminy skazki: Dobukvennoe obuchenie detei russkomu yazyku. Rus-skii yazyk dlya detei sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [Mother's tales. Russian for children of compatriots living abroad]. Moscow, 2007.]

Дунаева, Руис-Соррилья Крусате, 2016 – Дунаева Л.А., Руис-Соррилья Кру-сате М. Лингвокультурологический минимум для инофонов: практика создания и использования в России и за рубежом // Славянские языки и культуры в современном мире: III Междунар. науч. симпозиум: Труды и материалы. М., 2016. С. 22–28. [Dunaeva L.A., Ruiz-Zorrilla Cruzate M. Linguoculturological minimum for foreign students: theory and practice of making and using in Russia and in foreign countries. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire: III Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium: Trudy i materialy*. Moscow, 2016. Pp. 22–28.]

Караулов, Филиппович, 2009 – Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингво-культурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния

и функционирования. М., 2009. [Karaulov Yu.N., Filippovich Yu.N. Lingvokul'turnoe soznanie russkoi yazykovoï lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya [Linguocultural consciousness of Russian linguistic persona. Modelling of state and functioning]. Moscow, 2009.]

Караулов, 2010 – Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. [Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, 2010.]

Корнилов, 2003 – Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. [Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow, 2003.]

Кортава, 2000 – Кортава Т.В. Лингвокультурологический минимум для иностранных учащихся естественнонаучного профиля // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. М., 2000. С. 50–51. [Kortava T.V. Lingvoculturological minimum for foreign students of natural-science. *Aktual'nye problemy filologii v vuzе i shkole*. Moscow, 2000. Pp. 50–51.]

Минский, 1979 – Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. [Minsky M. Freimy dlya predstavleniya znaniï [A framework for representing knowledge]. Moscow, 1979.]

Мустайоки, 2007 – Мустайоки А. Знание общества как элемент коммуникативной компетенции // XI конгресс МАПРЯЛ. Пленарные доклады. СПб., 2007. [Mustajoki A. Community knowledge as an element of communicative competence. *XI kongress MAPRYAL. Plenarnye doklady*. St. Petersburg, 2007.]

Никитин, 1996 – Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. [Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoi semantiki [Course of linguistic semantics]. St. Petersburg, 1996.]

Новикова, Щербакова, 2007 – Новикова Н.С., Щербакова О.М. Синяя звезда: Рассказы и сказки русских и зарубежных писателей с заданиями и упражнениями. М., 2007. [Novikova N.S., Scherbakova O.M. Sinyaya zvezda: Rasskazy i skazki russkikh i zarubezhnykh pisatelei s zadaniyami i uprazhneniyami [Blue Star: Short stories and fairy tales with exercises]. Moscow, 2007.]

Оберемко, 2010 – Оберемко О.Г. Лингвострановедческий аспект в обучении иностранным языкам. Н. Новгород, 2010. [Oberemko O.G. Lingvostranovedcheskii aspekt v obuchenii inostrannym yazykam [Linguocultural aspect of foreign language teaching]. Nizhny Novgorod, 2010.]

Потемкина, Ружицкий, 2013 – Потемкина Е.В., Ружицкий И.В. Проблема формирования билингвальной личности в лингводидактике // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 81–90. [Potyomkina E.V., Ruzhitskiy I.V. The problem of the formation of a bilingual personality in linguodidactics. *The World of Russian Word*. 2013. № 2. Pp. 81–90.]

Пропп, 1998 – Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 1998. [Propp V.Ya. Morfologiya volshebnoi skazki [Morphology of the folktale]. Moscow, 1998.]

Самосудова, 1999 – Самосудова Г.Г. Метафоризация концептуальной картины мира и ее языковые экспоненты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 1999. [Samosudova G.G. Metaforizatsiya kontseptual'noi kartiny mira i ee yazykovye eksponenty [Metaphorization of conceptual picture of the world and it's linguistic exponents]. PhD thesis. Biysk, 1999.]

Успенский, 1994 – Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1994. [Uspensky B. Izbrannye trudy [Selected works]. Vol. 2. Moscow, 1994.]

Чубарова, 2009 – Чубарова О.Э. Читаем и пишем по-русски. М., 2009. [Chubarova O.E. Chitaem i pishem po-russki [We read and write Russian]. Moscow, 2009.]

Шанский, 1985 – Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб., 1996. [Shansky N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Modern Russian phraseology]. St. Petersburg, 1996.]

Статья поступила в редакцию 02.08.2017

The article was received on 02.08.2017

Ермакова Мария Андреевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ermakova Maria A. – postgraduate student at the Department of Theory and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: ermakova.marie@mail.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2018.1

Электронная версия журнала:
<http://rhema-journal.com>

Сдано в набор 16.03.2018 г.
Подписано в печать 19.03.2018 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,25 п. л. Тираж 1000 экз.